РОССИЯ XXI

5–6
1996

Российская книготорговая палата предлагает подписаться на свой ежеквартальный каталог!

Каталог включает информацию об имеющейся гуманитарной книге, художественной литературе, изданиях по искусству, сведения об издательствах, характеристики серий, аннотации. Его главная цель — информация о добротной, качественной литературе, продающейся по доступным ценам.

С помощью каталога Вы сможете покупать книги не стихийно, а путем спокойного, тщательного отбора, а также находить нужные книги в библиотеках.

Каталог включает около 500 названий, имеет приложения и электронную версию. Приложения к каталогу: ноты, грампластинки, компакт-диски, аудиокассеты и видеокассеты зарубежного производства.

Вся продукция, распространяемая РКТП, имеет государственную лицензию и доставляется по всем регионам России.

Цена I номера каталога на 1996 год — 10 тысяч рублей.

Оплатить каталог можно по предоплате или наложенным платежом (указать в заказе), а доставку приложений — почтовыми марками, вложенными в конверт с заказом (2000 рублей за каждое приложение).

Реквизиты для оплаты:
получатель — ТОО «Аллес» ИНН 7707050827
банк получателя — 125047 Москва р/с 62467783
к/с 210161600 в РКЦ-2 ГУЦБ РФ г.Москвы МФО 201779
уч Н6 Новослободского отделения МФТУБ.
Оплату почтовым переводом можно отправлять по адресу для писем.
Адрес для заказов и писем: 109548 Москва а/я 1
ТОО «АЛЛЕС» тел.353-7611.

РОССИЯ

5 – 6
1996

Общественно-политический и научный журнал

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян
Слово есть дело 4

Алексей Лазарев
Финансовые и экономические проблемы переходного периода 16

Грани катастрофы

Александр Тарасов
О «безмолвствующем народе» и «социальном взрыве, которого все нет и нет» 31

Ресурсы нации

Оксана Гаман
Политические элиты России в историческом процессе 53

Геоглобалистика

Ксения Мяло
Русская Каносса? 69

Европейские параллели

Предраг Миличевич
Стратеги Запада и Югославия 83

Страницы истории

Александр Иголкин
Историческая память как объект манипулирования 100

Ютта Шерер
Богданов и Ленин 115

Современные утопии

Юрий Бокарев
«Открытое общество» и его друзья 134

Актуальный архив

Владимир Ямпольский
Технологии борьбы III рейха против СССР 152

Редакционная почта

Ирина Медведева, Татьяна Шишова
Уроки песочницы 178
Корысть и profit 182

Георгий Вербицкий
Судьбы россиян — остовцы и военнопленные 187

Учредитель — корпорация
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор М.М. ГОРИНОВ
Издается при участии экспертов и консультантов ЭТЦ

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

ISSN 0869—8503

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года
Регистрационное свидетельство № 011074

Адрес редакции: 103001, Москва,
Гранатный пер., д. 24
телефон (095)202-28-31

© «Россия XXI» 1996

Подписано в печать 7.06.96 Формат 60x88 1/16
Печать офсетная Объем 12,0 Тираж 5000 (1 зав. 3000) Заказ 1427.

Отпечатано в АООТ «Политех-4»
129110, Москва, ул. Б. Переяславская, 46.

Ютта Шеррер (Франция)

БОЛЬШЕВИЗМ НА РАСПУТЬЕ: БОГДАНОВ И ЛЕНИН

Александр Богданов (псевдоним Александра Александровича Малиновского, 1873—1928) — одна из ключевых фигур в русском марксизме. Но этим сказано еще далеко не все. В 1922 г. председатель Исполнительного комитета Коммунистического интернационала Григорий Евсеевич Зиновьев, какое-то время бывший ближайшим сотрудником В.И.Ленина по партии, признал, что Богданов был одним из влиятельнейших большевистских вождей.[1] Богдановская теория общества и революции с самого начала рассматривалась как альтернатива ортодоксальному марксизму, а позднее, с учетом опыта революции 1905 года, — и как альтернатива «ленинизму».[2] Когда Ленин летом 1909 г. исключил Богданова из большевистской фракции, последний организовал (в конце того же года) литературную группу «Вперед», просуществовавшую в рамках «всей партии» вплоть до лета 1918 г., хотя сам Богданов уже в конце 1911 г. был исключен из этой группы, а следовательно, и вообще из РСДРП. За несколько недель до Октябрьской революции он основал движение «Пролетарская культура». Когда же, став массовой организацией, Пролеткульт, — число ее членов к концу 1920 г. достигло полумиллиона и почти сравнялось с численностью компартии, — она была подчинена Лениным государственному аппарату (Наркомпросу), Богданов навсегда отошел от политической жизни. Врач по профессии, Богданов с 1921 г. занялся

1 *Sinovjew G. Geschichte der Kommunistischen Partei Russlands (Bolschewiki). — Politla-den-Reprint. — Erlangen, 1972. — S.155.*

2 *Этот термин впервые употребил в 1907 г. в критическом смысле тогдашний единомышленник Богданова — А.В.Луначарский, подразумевая под ним авторитарный стиль руководства.*

исследованиями в области гематологии, а в 1926 г. стал директором основанного им первого советского Института переливания крови. Умер он в результате проводимого на себе эксперимента, что в принципе можно трактовать и как подвиг во имя науки, и как самоубийство.

Богданов был одним из самых популярных социал-демократических литераторов, не менее чем Г.В.Плеханов, о чем говорят многочисленные переиздания и высокие тиражи его произведений. Однако политические разногласия и соперничество с Лениным привели к тому, что уже в конце 20-х годов имя Богданова было предано забвению. Как до, так и после 1917 г., вплоть до недавнего времени, в официальной истории партии замалчивалось его влияние на русскую социал-демократическую интеллигенцию, а главное — на русских рабочих. Западные исследователи русской социал-демократии, большевизма и ленинизма, как правило, также избегают упоминать имя Богданова. Главным источником, на основе которого выносятся суждения о нем, служит книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», написанная в 1908 г. в эмиграции и в мае 1909 г. опубликованная в России. И все же одним философским проклятием, при помощи которого Ленин сознательно стремился подготовить исключение Богданова из большевистской фракции, невозможно объяснить конфликт обоих тогдашних лидеров большевизма. Ведь аналогичная критика философских взглядов Богданова высказывалась за несколько лет до этого меньшевиками Л.И.Аксельрод («Ортодокс» в 1904 г.), М.А.Дебориным (в 1907 г.) и Г.В.Плехановым (в 1908 г.). Да и вообще «Материализм и эмпириокритицизм» отражал скорее личную философскую позицию Ленина. Разногласия Ленина и Богданова носили не просто абстрактно-теоретический характер; они преследовали практические политические цели и были непосредственно связаны с тактическими вопросами в отношении существующих в партии течений: «Махистская оппозиция, — констатировал Карл Корш, — сформировалась в Центральном комитете большевистской партии сама собой».[3] Или, как писал Жорж Хаупт: «Как это часто случалось в истории социализма, политический конфликт стал также глубоким идеологическим конфликтом».[4]

«Роль Богданова в развитии нашей партии и для развития общественной теории в России была исключительной», — написал в 1928 г. Н.Бухарин в

3 *Korsch K. Zur Philosophie Lenins // Pannekoek A. Lenin als Philosoph. — Frankfurt; Wien, 1969. — S.134.*

4 *«Comme se fut souvent le cas dans l'histoire du socialisme, le conflit politique fut aussi un profond conflit ideologique», — Haupt G. J.-J.Marie. Les bolchéviks par eux-mêmes. — Paris, 1969. — S.270.*

правдинском некрологе на смерть Богданова. По словам Бухарина, Богданов, «образованнейший человек нашей эпохи», в течение «значительного периода» был «одним из выдающихся теоретиков марксизма»; целое поколение «буквально жило его произведениями», «а многие, очень многие обязаны началом своего революционного становления вообще только ему».[5]

Увлечение Богданова политикой с самого начала шло рука об руку с его литературными и педагогическими интересами. На первых порах он занимался пропагандистской деятельностью в подпольных социал-демократических кружках для рабочих. Так родился его «Краткий курс экономической науки» (1897), первый учебник политэкономии для рабочих, выдержавший множество переизданий и вплоть до конца 20-х годов служивший образцом учебника для совпартшкол и переведенный (в числе немногих работ Богданова) на иностранные языки, в том числе и на английский. Другая философская работа «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899) была прямым результатом преподавательской деятельности Богданова в рабочих кружках. После ряда лет тюрем и ссылок в Калуге и Вологде (этот период был особенно плодотворным в его литературной деятельности) Богданов в начале 1904 г. переезжает в Швейцарию. Здесь он впервые встречается с Лениным (в большевистскую фракцию Богданов вступил годом раньше). Отметим, что еще в 1898 г. Ленин в журнале «Мир Божий» обратил внимание на «Краткий курс экономической науки», подчеркнув в ряду его «исключительных достоинств» «последовательно проводимый исторический материализм» автора. В Женеве Богданов становится соратником Ленина в борьбе против меньшевизма. Оба они участвовали в организации печатного органа большевистской фракции, который начал выходить с 4 января 1905 г. в Женеве под названием «Вперед» (позднее — «Пролетарий»). Богданов привел в новую редакцию некоторых своих друзей по ссылке, в ту пору совершенно неизвестных Ленину — А.В.Луначарского, В.А.Базарова (Руднева), И.И.Скворцова-Степанова. Сам Богданов возвратился в Россию, чтобы, используя свои многочисленные связи, собрать необходимые для журнала средства. Еще в бытность свою в Женеве Богданов вместе с В.И.Лениным, М.Н.Лядовым, М.М.Литвиновым и некоторыми другими большевиками был избран в только что образованное Бюро комитетов большинства, которое должно было действовать параллельно Центральному комитету всей партии в качестве новой руководящей верхушки большевистской фракции и вскоре стало известным как «большевистский центр». В России Богданов, преодолевая сопротивление меньшевиков, подготовил большевистский III съезд партии (прошел с 25 апреля по 10 мая 1905 г. в Лондоне), на котором он — вместе с В.И.Лениным и Л.Б.Красиным — был избран в

5 *Бухарин Н. Богданов А.А.//Правда — 1928. — 8 апреля — С.3.*

Центральный комитет. Одновременно Богданов был назначен главным уполномоченным по литературной работе Центрального комитета в России. В Петербурге он представлял Центральный комитет на первом Совете рабочих депутатов и совместно с Л.Б.Красиным организовывал военно-технические группы, позднее участвовавшие в печально знаменитых большевистских экспроприациях на Урале и Кавказе, содействуя пополнению партийной кассы. В октябре 1905 г. Богданов вместе с Красиным, Румянцевым, Горьким, Базаровым, Луначарским и Лядовым основал первую легальную большевистскую ежедневную газету «Новая жизнь». Благодаря, в частности, тому, что он с самого начала революции находился в России, Богданов разбирался в происходивших событиях лучше Ленина, вернувшегося в Россию из эмиграции только в ноябре 1905 г. Но главное заключалось в том, что Богданова в тот период рабочие знали лучше, чем Ленина. По крайней мере, на протяжении всего 1905 г. Богданов пользовался в России репутацией признанного вождя большевиков. Арестованный при разгоне Петербургского совета в декабре 1905 г., Богданов заочно избирается в Центральный комитет на IV съезде партии, состоявшемся в апреле 1906 г. в Стокгольме. В мае 1906 г. он выходит из тюрьмы и вместе с женой, а также Лениным и Крупской поселяется на даче в Куоккале — на финской территории недалеко от русской границы. Живя здесь, он служит связным между эмигрантским Центральным комитетом и депутатами-большевиками во Второй государственной думе. На V (Лондонском) съезде партии в мае 1907 г. он привлек внимание выступлениями по организационно-практическим вопросам, но особенно — по проблемам печатной пропаганды. В отличие от Ленина, он вновь избирается в Центральный комитет. Кроме того, он был членом «большевистского центра», формировавшего редакцию «Пролетария» и определявшего дальнейшую тактику большевиков.

Но именно этот последний пункт и определил позднейшее размежевание Ленина и Богданова. Корни их разногласий лежат в оценке политической ситуации в России после роспуска Второй думы летом 1907 г. Так, Ленин считал, что участвовать в выборах в Третью государственную думу необходимо, с тем чтобы использовать ее трибуну для социал-демократической пропаганды. Богданов же требовал сосредоточить силы на новом революционном подъеме и бойкотировать выборы в Думу, которая, будучи порождением псевдоконституционного режима, не отвечала потребностям революционного большевизма. Мнение Богданова поставило его во главу большевистской фракции: 14 из 15 делегатов-большевиков на Всероссийской партконференции в августе 1907 г. поддержали эту точку зрения. Мнение же Ленина совпало с тактикой, предложенной меньшевиками, которые с самого начала стремились использовать любую, пусть и самую ничтожную, возможность легальной деятельности в России.

Тактика бойкота, которую помимо Богданова разделяли в первую очередь депутаты-большевики во Второй думе (А.В.Луначарский и Г.А.Алексинский), имела успех и у рабочих, которым была чужда идея массовых

выборов и которые руководствовались лозунгом Богданова, призывавшим к подготовке вооруженного восстания. Однако, когда развеялась надежда на скорое начало революции, бойкот выборов стал как бы бессмысленным. И тем не менее Московская общегородская конференция большевиков в мае 1908 г. исключительно критически отнеслась к деятельности социал-демократов в Думе. Часть делегатов (и среди них Станислав Вольский) настаивала на отзыве думских депутатов ввиду их бесполезности (в основном это были меньшевики) — вот почему эту группу назвали «отзовистами». Другая часть с Богдановым, Алексинским и В.Л.Шанцлером (Маратом) во главе требовала, чтобы Центральный комитет в ультимативном порядке призвал думских депутатов от социал-демократической партии подчиниться партийной дисциплине и неукоснительно выполнять решения ЦК, — отсюда и название «ультиматисты».

Какое-то время отзовисты и ультиматисты пользовались серьезным влиянием в партийных организациях Москвы, губернском комитете Центральной России, в Петербурге, Одессе и на Урале. В эту группу левого крыла большевистской фракции входили Богданов, Луначарский, Красин, Алексинский, Базаров и тесно связанный с ними Максим Горький, а кроме того, Вольский, Шанцер, Лядов, В.А.Десницкий (Строев), Д.З.Мануильский, В.Р.Менжинский, историки М.Н.Покровский и Н.А.Рожков и др. Политический вес группе придавало не только то, что она являла собой наиболее значительный интеллектуальный потенциал большевиков. Все они представляли неортодоксальный, как они выражались, «антиавторитарный» вариант марксизма, стремясь к его развитию и даже обновлению, прежде всего за счет привлечения новейших результатов, полученных естествознанием и философией науки. Кроме того, все они намеревались включить в марксизм теорию познания эмпириокритицистов Эрнста Маха и Рихарда Авенариуса, исходящих из того, что познание опирается исключительно на опыт. Но что это было, — «новый вид ревизионизма»? — как еще недавно, в 1904 г., говорил Богданов о Мартове? «Левый» ревизионизм — как реакция на «правый» ревизионизм «легальных марксистов в России?.. И были ли идеи, разделяемые этой группой, в самом деле отражением кризиса марксизма? Или перед большевизмом встала угроза раскола? Агенты охранки, нередко хорошо информированные, уверенно сообщали в своих донесениях того времени о фракциях «ленинистов» и «богдановистов». Но кто же тогда «истинные», «правильные» большевики? Плеханов в то время без обиняков заявлял, что «богдановизм» — официальная философия большевизма, желая доказать, что большевики — ревизионисты не только в политическом, но и в философском отношении. Термин «богдановщина», который станет популярным в идеологических распрях 20-х годов, родился в 1908 г. в полемических выступлениях Плеханова.

Конфликт внутри большевистской фракции продолжал разрастаться в течение всего 1908 г. Ленин все в большей мере сосредоточивает свои усилия на борьбе против Богданова, бесспорного лидера «левых большевиков».

Весной 1908 г. «большевистский центр» направляет Богданова в Женеву в качестве члена редакционной коллегии «Пролетария». Но Ленин исключает его из этой редколлегии. Чуть позже, в августе 1908 г., Богданова и Красина освобождают от занимаемых ими ответственных постов в финансовой комиссии «большевистского центра». Теперь Ленин может распоряжаться деньгами для нужд своей фракции и отмежеваться (в какой-то степени под давлением меньшевиков) от своих товарищей, скомпрометировавших себя участием в экспроприациях. Работая над «Материализмом и эмпириокритицизмом», Ленин писал в июле 1908 г. В.В.Воровскому, сотруднику газеты «Пролетарий»: «Положение у нас трудное. Назревает разрыв с Богдановым... На ближайшей конференции столкновение неизбежно. Весьма вероятен раскол. Я выйду из фракции, если только верх возьмет линия «левых» и подлинного «бойкотизма».[6]

В июне 1909 г. Ленин организует заседание редакции «Пролетария» в Париже и по собственному произволу вводит в ее состав еще несколько человек; новая редакция и взяла на себя полномочия принимать решения от имени «большевистского центра». Это расширенное совещание проводит резолюции, предварительно составленные самим Лениным, принятие их снова обеспечивает ему руководящую роль во фракции. Согласно этим документам Богданов исключается из большевистской фракции; отзовисты, ультиматисты, левые ликвидаторы, богостроители, партийная школа на Капри — все они в ленинской полемике «утрачивают» свои различия и осуждаются скопом как политически бесплодные предприятия «левых большевиков», как «извращение марксизма», «как совершенно непримиримые с позицией большевизма, еще раз сформулированной Совещанием (газеты «Пролетарий»)», — короче говоря, как новый идеологический и политический центр, отрекающийся от большевистской фракции.[7]

Работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», смысл которой может быть уяснен только в связи с политическим контекстом эпохи («книга была частью судебного разбирательства»,[8] — считает Паннекек), едва ли сыграла какую-то роль в спорах того времени. Значение этому произведению стали придавать только в 20-е годы после смерти Ленина, когда начались дискуссии о партийности философии. Тогда же в написанной в 1910 г. и

6 *Ленин В.И. Полное собр.соч. — Т.47. — С.159—160.*

7 *Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». М.: Партиздат. — 1934. — С.202, 50.*

8 *Pannekoek A. Op. cit. S.87. В данной книге полностью оспаривается, что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» дал марксистскую критику работ Маха, Авенариуса и Богданова.*

вплоть до последнего времени абсолютно неизвестной рецензии — Богданов дал ей характерное название «Вера и наука» — на «чисто политический памфлет» Ленина (так назвал его «Материализм и эмпириокритицизм» Покровский в 1926 г.) он подверг резкой критике ленинский метод (по Богданову, он заключался в том, чтобы приписывать Богданову и Маху совершенно чуждые им взгляды) и подробно высказывался по отдельным «пунктам обвинения».

Вполне правомочен вопрос: сыграли ли философские разногласия Ленина и Богданова важную роль в их конфликте в 1909 г.? Не были ли эти расхождения использованы против Богданова из тактических соображений именно в конкретный, данный, определенный момент времени? Ведь еще во время работы над своим полемическим произведением Ленин откровенно признал, что не вполне компетентен в вопросах философии и что философская позиция оппонента ему неизвестна. Как явствует из письма Горькому от 25 февраля 1908 г., Ленин с начала 90-х годов, еще во время своей сибирской ссылки, читал работы Богданова сразу же по выходе их в свет; он был не только знаком с главным философским трудом Богданова «Эмпириомонизм», три тома которого вышли из печати в 1904—1906 гг., но и сообщил свои критические замечания автору. Однако, будучи большевиками, как поясняет он Горькому, они с Богдановым летом и осенью 1904 г. единодушно «сформировали молчаливый и молчаливо исключающий философию — как нейтральную область — блок», позволивший им «сообща придерживаться в революции той тактики революционной социал-демократии (большевизма)», которая, по его убеждению, «была в то время единственно правильной».[9] С того времени философия стала считаться частным делом и должна была исключаться из печатных работ членов большевистской фракции. Мало того, Ленин потребовал от ученицы Плеханова Л.И.Аксельрод написать критическую статью (опубликована в «Искре» в конце 1904 г.) по поводу философских взглядов Богданова.

Ленин, этот «гениальный оппортунист» (А.В.Луначарский), ликвидировал свой «блок» с Богдановым как раз в тот момент, когда последний был лидером значительной части фракции и заявлял, что именно он (Богданов) является хранителем «подлинного» большевизма; когда, по словам Горького, «историческому фатализму» Ленина и Плеханова была противопоставлена «философия действия» Богданова и его единомышленников, к которым принадлежал тогда и сам Горький.[10] Однако в противовес активистскому

9 *Ленин В.И.//Полн.собр.соч. — Т.47. — С.142. Это письмо не опубликовано в четвертом издании произведений Ленина.*

10 *Письмо М.Горького К.П.Пятницкому//В.И.Ленин и А.М.Горький. Письма. Воспоминания. Документы. — М., 1969. — 3-е изд. — С.48.*

принципу «философии пролетарской борьбы», на котором делал акцент Горький, Ленин в «Материализме...» (подзаголовок книги «Критические заметки по поводу одной реакционной философии») утверждал, что философская позиция Богданова сильно подрывает волю русских марксистов к революционной борьбе, способность партии к активной деятельности.

В чем же заключается специфика богдановской «философии действия»? От какой «опасности» предостерегал Ленин? Что подразумевал Богданов под большевизмом? Чем вообще был большевизм в тот момент? Не находился ли большевизм на распутье, перед двумя возможными путями, олицетворениями которых короткое время были Богданов и Ленин?

Если ленинский путь и может, по понятным причинам, рассматриваться как путь «победителя», то что можно сказать о богдановской теории общества и революции, выставленной Лениным в качестве «карикатуры на большевизм» и окончательно дискриминированной последователями Ленина? Ниже мы попытаемся осветить практически неизвестный до сих пор политический проект Богданова: его понимание большевизма, его представление о грядущем социалистическом обществе. При этом следует подчеркнуть, что политический и тактический проект Богданова в период конфликта с ленинской концепцией большевизма имеет особое ключевое значение.

Политическая «картина мира»

Сразу после своего исключения из большевистской фракции Богданов написал обращенную к большевикам листовку, в которой назвал совершившийся «раскол большевизма» «точным повторением, если не считать участников, старой истории меньшевистско-большевистского раскола». Союз Ленина с Плехановым, говорилось в документе, — «парламентаризм во что бы то ни стало», — это чисто меньшевистский подход. В противоположность этой новоиспеченной «фракции центра» («думскому» большевизму нового «Пролетария» и левому партийному меньшевизму») «левые большевики», по мнению автора, были единственной группой, способной сохранить преемственность большевистских принципов, т.е. отстоять в рамках социал-демократии революционную тактику перед лицом тактики оппортунистической.

Богданов так определяет революционную тактику большевизма в условиях реакции, в «межреволюционную эпоху»:

1) усиление нелегальной и конспиративной партийной организации, невзирая на любые меры подавления со стороны властей;

2) формирование социалистического классового сознания в широких массах рабочих (в отличие от распространения демократических революционных лозунгов, призывающих к каждодневной борьбе) с помощью как нелегальной, так и легальной пропагандистской литературы; организация партийных школ для подготовки вождей пролетарской борьбы из среды рабочих, а не интеллигенции;

3) продолжение боевой революционной традиции в ходе изучения методов вооруженного восстания и военной техники в «инструкторских группах и школах», как подготовки к предстоящей революции.[11]

«Раскол большевизма», о котором Богданов информировал своих товарищей по партии в июле 1909 г., был официально оформлен в самом конце того же года. Произошло то, по поводу чего Лео Иогихес (Ян Тышка) иронизировал уже в сентябре 1909 г. в письме Богданову. Он писал, что ничуть не удивился бы, если бы раздоры большевиков в расширенной редакции «Пролетария» привели к образованию в партии третьей фракции со своим центральным комитетом, а именно — с «коллегией редакторов рабочей школы» во главе.[12] Преподаватели и ученики партийной школы на о.Капри, созданной «левыми большевиками» под руководством Богданова и Горького в августе 1909 г., ходатайствовали перед ЦК РСДРП о признании школы в качестве «литературной организации» под названием «группа «Вперед». Просьба эта была официально удовлетворена на V конференции РСДРП в Париже (январь 1909 г.). Выбрав для себя название первого большевистского нелегального журнала, основанного по инициативе Ленина и Богданова в противовес меньшевистской «Искре», группа «Вперед» недвусмысленно дала понять, что видит в себе единственного гаранта продолжения большевистских традиций.

Этим объясняется, почему «платформа» группы «Вперед» («Современное положение и задачи партии»), текст которой был составлен при деятельном участии Богданова, провозглашала в качестве своих основных целей «борьбу за восстановление единства большевизма и выработку практических задач революционной социал-демократии на основе большевизма», «как мы их (эти основы) понимаем». Сам же большевизм в этой «платформе» определяется как «самое строгое и последовательное применение идей научного социализма к русской действительности». Особая ситуация в России — вот еще одна отправная точка многих теоретических рассуждений Богданова о «русском марксизме» или большевизме, вызвавшая к жизни принцип партийности. Но что означало это конкретно?

В документе утверждалось, что организационные принципы большевизма, принцип «партийности», в корне изменили исключительно сложное с самого начала положение партии в России. Дело объяснялось тем, что в партии, возникшей из кучки разрозненных, не связанных друг с другом «кружковых организаций», действовавших на местах в духе традиционной «кустарной работы», преобладали привычные стереотипы «кустарщины» и

11 *Отчет тов. большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария». — 1909. — 3/16 июля.*

12 *Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». — С.263.*

«кружковщины», что препятствовало на первых порах объединению кружков в партию в ходе их реального слияния. Даже после выработки партийной программы «самые крупные авторитеты партии» (ими в основном были выходцы из интеллигенции) не желали терять своей руководящей роли в кружках, действовавших, главным образом, за границей. Здесь-то и выступил большевизм со своими организационными лозунгами типа «партийность против кружковщины». Во имя партийной дисциплины большевики требовали ставить «интересы дела выше всех авторитетов», отдавать предпочтение российской части партии перед эмигрантской, подчиняться центру и решать вопросы партийной жизни на широком организационном фундаменте, на принципах демократического централизма и, наконец, обеспечивать объединение различных национальных организаций в «единстве партийной работы». Исключительно важным решением большевизма в программном, организационном и тактическом смыслах составители «платформы» считали как принятие положения о принадлежности к партии (она могла рекрутироваться только из авангарда пролетариата, отличавшегося своей революционной сознательностью, а не из «стихийного движения пролетарских низов»), так и определение роли пролетариата и его тактики в ходе революции 1905 г.

Для определения сложившейся ситуации группа «Вперед» предложила развернуть практически заглохшую большевистскую агитацию и пропаганду в местных партийных организациях. Интересно, что здесь, как и в названной выше прокламации Богданова, большевизм характеризуется как продолжение революционной борьбы в текущий момент и как неприятие оппортунистического парламентаризма. Было бы нелепо воображать, будто думская трибуна может быть использована для успешной пропаганды, местные (первичные) организации бездеятельны или практически бездеятельны. Вместе с тем, соглашаясь с важностью дисциплины, «платформа» Богданова не требует отзыва социал-демократических депутатов из Думы. А, напротив, призывает: до тех пор, пока партия в официальном порядке не изменит своих постановлений о Третьей думе, все организации, все члены партии обязаны всемерно поддерживать деятельность думской фракции. Однако, тем не менее, «за каждым членом партии сохраняется право самому судить о результатах и значении думской работы». В этом духе авторы «платформы» и отнеслись к отзовизму как к «одному из различных законных нюансов (оттенков) революционного крыла партии». Более того, именно «разнообразие оттенков при сохранении единства принципов» свидетельствует, по мнению авторов, о жизнеспособности и истинности большевизма.

В некоторых местах раздела программы «платформы», посвященного пропаганде и агитации, без труда угадывается рука Богданова — его представления о социалистическом воспитании русского пролетариата. Эти представления, изначально лежавшие в основе его политической деятельности, побудили его организовать партийные школы на Капри и в Болонье и в конце концов послужили отправным моментом в его общественной теории, теории «пролетарской культуры», о которой речь пойдет ниже.

Показательна реакция Ленина.[13] Анализ текущей исторической ситуации в России (Ленин вынужден признать, что этот анализ в целом соответствует большевистской позиции, зафиксированной в резолюции партконференции в декабре 1908 г.) является, по его словам, «карикатурой на большевизм», где сами по себе «правильные большевистские рассуждения» сочетаются с осуждением использования думской трибуны для пропагандистских целей, т.е. не учитывается «своеобразие» переходного периода к «новой революции». Иными словами, Ленин видит в «платформе» только манифест отзовистов, причем «отзовистами» он считает тех, кто в своей тактике, как и прежде опирающейся на использование времени революционного подъема, не учитывает «своеобразия современного момента». Если в ходе революции такая тактика и отвечала большевистским принципам, то сегодня, полагает Ленин, в связи с изменившейся политической и экономической ситуацией в России, это уже не так. В сущности, Ленин не оспаривает большевистской ориентации отзовистов, и здесь становится ясно, почему он вообще стремится использовать понятие «левые большевики» (применительно к Богданову и его группе). Дело в том, что автор «Материализма и эмпириокритицизма» некоторое время после выхода книги в свет все еще не отрицал за Богдановым и его группой соблюдения (признания) большевистских организационных принципов. И мнение Ленина о «платформе», и другие статьи о группе «Вперед», написанные примерно в то же время, явно свидетельствуют, что в конфликте с Богдановым для Ленина важны были в первую очередь тактические проблемы — проблемы политического руководства, методы политической борьбы, соответствующие «новой революции», «марксистский анализ момента» — т.е. тактика в период «между революциями», а не идеология. В глазах Ленина группа «Вперед» состояла из приверженцев отзовизма. А отзовизм представлял собой тактическое отступление от «ортодоксального большевизма». Значит, с этим отступлением следовало немедленно покончить. И лишь во вторую очередь велась борьба против философского отклонения от принципов «ортодоксального марксизма». Конечно, и здесь доказательство того, что в философском плане Богданов не марксист, приобретает первостепенную важность, поскольку все свои утверждения в отношении тактики Ленин подкрепляет ссылками на марксистский анализ современной ситуации, а этот анализ Богданову, как последователю философского идеализма, мол, недоступен. Тем не менее, в ленинской полемике против Богданова еще в 1914 г. встречается термин «левый большевизм» (речь шла о левобольшевистской группе на Кавказе), которому Ленин противопоставляет свой «марксистский большевизм», иногда именуемый им «анти-вперед-

13 *Ленин В.И. О «платформе» сторонников и защитников отзовизма//Полн.собр.соч. — Т.19. — С.241—256.*

ническим большевизмом».

В ленинских комментариях к «платформе» не найти ни малейшего следа критики конкретных предложений Богданова по организации партийной пропаганды и агитации в России, социалистического воспитания и образования рабочих, этих подлинных (в отличие от интеллигенции) вождей рабочего движения. Ни слова там не сказано и по поводу «обновления партии» — главной темы «платформы». А ведь «литераторы и теоретики нашей партии», объединившиеся по инициативе Богданова в группу «Вперед», видели свою задачу именно в «создании новой популярно-пропагандистской литературы, которая всесторонне и цельно распространяла бы научно-социалистическое мировоззрение в его связи с русской действительностью». Но и тут не встретить какой-либо полемики по поводу содержания или теоретического подхода. Налицо лишь тактические соображения: как бы оторвать Максима Горького, главного представителя «пролетарского искусства», от идеологии «пролетарской культуры» (сам этот термин Ленин считал тогда «новым псевдонимом махизма»), чтобы вновь заполучить его для своей собственной фракции. Это относится также и к позднейшим, написанным уже в 1914г., статьям и письмам Ленина о группе «Вперед». В этих работах он, хотя и полемизирует с Богдановым в связи с его исключением из редакции большевистской «Правды», выступая против «пролетарской философии, то есть против махизма», однако не считает нужным снизойти до какого-либо разбора позиций. «Материализм и эмпириокритицизм» является единственной работой Ленина, где в связи с конфликтом с Богдановым теоретическая полемика выходит на первый план, оттесняя непосредственные тактические интересы.

Теперь остановимся на том, как в богдановской программе агитации и пропаганды, которая постулировала осуществление основной общепролетарской цели, социалистической идеи и социалистических идеалов, все это выглядело конкретно? И зададимся также вопросом (и есть ли на него ответ?!), почему Ленин в своей полемике абсолютно не заострял внимание на этой «литературной» инициативе группы «Вперед» и почему столь мало занимало Ленина то, что их «литературная группа» представляет «одно из различных течений, которые обязательно должны существовать во всякой сильной и жизнеспособной партии»?

Агитация и пропаганда

Проблема отношения партии к Думе — дебаты по поводу бойкота, отзовизма и ультиматизма — были, без сомнения, для Богданова непосредственным поводом для его требования о «солидном и активном агитационном и пропагандистском аппарате».

Составленный на первый взгляд без учета конспиративной тактики (необходимость которой в других подчеркивалась), входящий в мельчайшие

подробности организационный план создания аппарата агитации и пропаганды ставит «Платформу» на уровень важного политического документа. Если не считать работы Ленина «Что делать?», это — первая попытка всеобъемлющего и детализированного большевистского решения вопросов политической агитации и пропаганды.

Принципиальных сомнений по поводу полезности думской трибуны для социал-демократической пропаганды в «Платформе» не высказывалось. Однако создается впечатление, что ее авторы не могли смириться с тем, что социал-демократические депутаты Третьей думы не ощущали своей ответственности перед местными парторганизациями, перед Центральным комитетом или, поскольку он в последнее время регулярно не собирался, перед «Пролетарием» («Большевистским центром») и не поддерживали с ними вообще никаких отношений. Вызывает опасение, что полная изоляция думских депутатов от организаций рабочих, писал в «Пролетарии» летом 1908г. сам Богданов, может привести к возникновению среди рабочих явно антипарламентских настроений, связанных с деятельностью социал-демократов в Думе. В «Платформе» подчеркивается, что она не выступает в защиту антипарламентаризма. Характерные для международной социал-демократии антагонистические взаимоотношения между парламентаризмом и революционным или анархическим синдикализмом расцениваются в «Платформе» как экстремистские: «общепартийная воля» должна решать, что в каждой конкретной ситуации отвечает «общеклассовым задачам». Для членов группы «Вперед» сомнений касательно оценки и истолкования классовых задач и партийной воли не существует. Ее предложения по организации агитации и пропаганды нацелены исключительно на внутреннюю партийно-организационную работу», т.е. на организацию нелегальной деятельности. «Платформа» не высказывает никаких соображений и по поводу возможности конкретного использования думской трибуны для социал-демократической пропаганды в новых политических условиях.

Другим стимулом для усилий Богданова по развертыванию широкой агитационно-пропагандистской сети было положение, сложившееся в самой партии. С одной стороны, писал он, «считают себя социал-демократами лица, не интересующиеся партийной жизнью», — они не заняты выполнением каких-либо заданий партии и являются членами партии лишь номинально, уклоняясь даже от уплаты членских взносов. С другой стороны, интеллигенция после революции бросила партийные массы на произвол судьбы — функции в партии, выполняемые прежде исключительно представителями интеллигенции, теперь берут на себя сами рабочие; сюда относятся, например, редактирование журналов и политических прокламаций, организация агитационно-пропагандистских центров и, наконец, руководство самой партией.

Исходя из этого, «Платформа» группы «Вперед» предусматривает два типа агитации и пропаганды. Во-первых, для специальной подготовки рабочих с целью формирования партийных работников или партийных кадров (само слово «кадры», однако, встречается редко). Во-вторых, для общей

мобилизации рабочих масс посредством воспитания в них революционного, социалистического сознания. Вкратце суммировать программный проект этой агитационно-пропагандистской модели, опирающейся на демократический централизм как на базисную организационную форму большевизма, можно следующим образом.

Задача воспитания из рабочих ответственных партийных организаторов и агитаторов состояла в том, чтобы в период нового революционного подъема дать пролетариату руководителей из его собственных рядов и чтобы они могли свободно разбираться в основах научного социализма. Для этой цели необходим новый, не сложившийся до сих пор тип социалистической пропаганды. По причинам, связанным с нелегальным, конспиративным характером работы, впредь в местных организациях будет функционировать только один тип пропагандистских кружков. В них в течение 3—4 месяцев будут заниматься рабочие, уже имеющие опыт практической партийной деятельности, знакомые с программой партии и усвоившие начальные сведения по политической экономии; при этом главный упор следует делать на основные идеи научного социализма, на обзор рабочего движения и его организации, на аграрные проблемы и текущие задачи партии. Руководить этими пропагандистскими кружками (здесь-то особенно болезненно сказывается недостаток интеллигенции) должны пропагандисты, подготовленные в пропагандистских кружках, руководимых выпускниками партийных школ более высокого уровня. Кружки пропагандистов специализируются по различным отраслям партийной работы: подготовка фабричных агитаторов, профсоюзных работников, агитаторов и пропагандистов для работы на селе, редакторов местных газет. Наиболее способные слушатели этих пропагандистских кружков направляются после их окончания в партийные школы, не дающие специализированной подготовки, а готовящие кандидатов на руководящие посты. С целью разработки окончательной программы по организации пропаганды региональные партийные центры должны проводить опросы в местных организациях о необходимости в каждом конкретном случае того или иного вида пропаганды, о специфических требованиях, предъявленных рабочими к пропагандистам, и т.п. После опубликования результатов этих опросов на региональных конференциях пропагандистов и агитаторов должны окончательно утверждаться программы и определяться организационные формы пропаганды. И, наконец, итоги разработки проектов и программ подводятся Центральным комитетом и общепартийной конференцией при содействии партийной прессы и партийных школ.

Как и подготовка рабочих, пропагандистская работа среди рабочих масс должна строиться на принципе конспирации, а потому проводиться преимущественно в письменной форме. Местная нелегальная газета должна стать важнейшим инструментом социал-демократической агитации в массах, вот почему на местные партийные организации возлагается обязанность издания подобного рода газет для массового читателя. Редакции этих газет должны располагать группами корреспондентов, состоящими из рабочих-членов

РСДРП, собирающих информацию и документы специально о положении рабочих и их интересах в различных областях России. Местная партийная пресса, трудности которой известны, должна поддерживаться в первую очередь партийными центрами, обязанными в свою очередь основать массовую газету. Последняя предлагает читателю обильный материал по актуальным темам, статистические сведения, передовые статьи на важнейшие темы по теории и практике социал-демократии, хронику международного рабочего движения, а также художественные произведения — короче говоря, располагает базовой информацией, которую могли бы использовать местные партийные листки. Наряду с этим региональные центры должны организовать «литературные» справочные бюро, которые, используя университетские и публичные (!) библиотеки, могли бы незамедлительно оказывать помощь редакциям местных рабочих газет, предоставляя им требуемые сведения и наводя необходимые справки. Местные рабочие газеты должны сразу после их выхода в свет поступать в партийные центры с тем, чтобы последние могли оказывать изданиям как теоретическую, так и практическую помощь. Там же, где средств для основания газеты недостаточно, следует издавать листовки и брошюры, непосредственно затрагивающие экономические, политические и культурные потребности пролетарских масс.

Наиболее эффективное средство привлечения внимания масс к агитации видится в распространении местными партийными организациями анкет среди рабочих. Эти опросы не следует ограничивать непосредственными экономическими и политическими интересами рабочих; столь же важно исследование «бытовой и общекультурной жизни» пролетариата. Нужно проводить анкетирование и по определенным актуальным проблемам тактики рабочих, например, по поводу безработицы и способов борьбы с ней, об усилении деятельности профсоюзов, о страховании рабочих, об их отношении к кооперативам и т.п. Польза от такого метода — в получении информации непосредственно от рабочих, чтобы на основе их мнений по различным вопросам создавать литературу пропагандистского характера.

«Платформа» предусматривает специфические формы агитации и пропаганды — для сельского пролетариата, армии и профсоюзов, а также для легальных организаций: кооперативов, клубов, народных университетов, библиотек и т.д. (это, кстати, единственное краткое указание в «Платформе» на использование легальных возможностей для агитационно-пропагандистской деятельности). Но во главу угла документ ставит привлечение агитационно-пропагандистских средств для распространения опыта вооруженного восстания масс и партизанской борьбы. Необходимо опровергать мнение западной социал-демократии о неспособности рабочих масс подготовить вооруженное восстание для успешного противостояния регулярной армии. Местные партийные организации должны организовать «инструкторские школы» для «более практического изучения боевой техники» (на таком требовании Богданов настаивает не только в «Платформе», но и во всех своих политических работах за этот год), ведь пролетариату следует лучше подго-

5 Зак. 1427

товиться к грядущей революционной борьбе, чем в 1905г.

Опираясь на эту исходную концепцию агитации и пропаганды (изложенную здесь столь подробно, поскольку «Платформа» никогда не переиздавалась и сегодня практически недоступна), группа «Вперед» сообщает о намерении издавать популярные брошюры на указанные темы, а также выпустить при первой возможности массовую рабочую газету, чтобы «в неурезанном виде и всесторонне развивать мировоззрение научного социализма с учетом российской действительности». И, в самом деле, уже вскоре идеи группы «Вперед» нашли выражение в нерегулярно выходившем «популярном сборнике» «Вперед» (позднее под названием «На тему дня») под лозунгом «Серьезно служить делу возрождения партии».

Изложение методов нелегальной агитации и пропаганды, которое группа «Вперед» предложила своим товарищам по партии в «Платформе» с небывалой для эпохи репрессий откровенностью, является не просто оправданием, ее raison d'etre (смыслом) как «литературной» организации в рамках партии, которую упрекали в том, что в последнее время она совершенно не заботилась о подготовке пропагандистской литературы. «Платформа» рассматривает свою задачу «культурного творчества» как гарантию сохранения базирующихся на началах демократического централизма организационных принципов большевизма, «революционного крыла нашей партии». В этом смысле в одном из последних пунктов «Платформы» подчеркивается необходимость «нелегальной, небольшой, закрытой и состоящей из активных членов партии», за преемственность (непрерывность развития) которой ручаются «литераторы и теоретики» группы «Вперед».

Как уже говорилось, Ленин не касался того, что группа видит в себе гаранта большевизма в рамках партии. То же можно сказать и о критике партийных руководителей, не желавших расставаться с умонастроениями интеллигенции, — Ленин лишь однажды одной фразой упоминает об этом. Однако именно последний пункт исключительно важен для уяснения идеологического контекста группы «Вперед». Он же лежал в основе «Платформы»: подготовить российский пролетариат в организационном, тактическом и идеологическом отношениях, дабы он смог возглавить свое собственное движение, создав тем самым базу для обновления партии.

Бросается в глаза, что Богданов в самых разных текстах, написанных и в период описываемого конфликта с Лениным, и позже, в 1918г., то и дело цитирует или пересказывает один из пассажей «Платформы», резко осуждающий партийных вождей и прежде всего Ленина (хотя и не называемого по имени). Индивидуализм и авторитарные замашки, тщеславие и культ личности, неприятие товарищеской дисциплины и товарищеской критики, самодовольство и эгоизм этих вождей неимоверно осложняют идеологическую борьбу, полагает Богданов, а силы партийной организации растрачиваются на бесконечные внутренние, а значит, бесплодные склоки. Кроме того, именно эти свойства порождают дурные привычки у партийных работников — такие, как слепое преклонение перед авторитетом, неспособность усомниться в правильности взглядов известных вождей.

Далее Богданов делал вывод, что случайная критика партийных руководителей в принципе не может ничего изменить, поскольку речь идет фактически о модели поведения, глубоко укоренившейся в старом буржуазном или мелкобуржуазном мире, из которого и вышли «социалисты-интеллигенты». Противоречие между часто проявляющимся здесь влиянием устоявшейся буржуазной культуры и общественным идеалом социалистов — классовой борьбой — можно вообще преодолеть только в том случае, если hic et nunc (здесь и теперь), в условиях капиталистического мира буржуазной культуре будет противопоставлена новая, коренящаяся и распространенная в массах пролетарская культура, исходящая из «истинно-товарищеского отношения в пролетарской среде». Лишь «целостное социалистическое воспитание», опирающееся на «пролетарскую культуру», способно, по мнению Богданова, коренным образом изменить, обновить организацию партии.

Программные требования «Платформы» — необходимость самостоятельного развития рабочих и их деятельности, независимость их от партийных руководителей, выходцев из интеллигенции, — были опробованы на практике в партийных школах на Капри (август, декабрь 1909) и Болонье (ноябрь 1910 — март 1911). Еще отчетливее деятельность «Высших социал-демократических пропагандистско-агитаторских школ» свидетельствует о том, что для «левых большевиков» агитация и пропаганда, практическая подготовка к которой занимала большую часть учебного плана, подразумевает не только и не столько образование «постоянных кадров партийных руководителей из рабочей среды»[14], т.е. формирование «партийной интеллигенции» из рядов самих рабочих. «Новый более высокий тип партийной пропаганды», выработать который стремились эти первые партийные школы русской социал-демократии, однозначно нацелен на создание «рабочей интеллигенции». «У пролетариата как общественного класса должна быть своя собственная интеллигенция, которая трудится в рядах пролетариата ради разгрома капитализма», — настаивал единственный среди основателей партийной школы на Капри выходец из рабочей среды, «рабочий философ» Михаил (псевдоним Н.Е.Филонова), находившийся под сильным влиянием Богданова. Но что это за «рабочая интеллигенция»? Можно ли отождествлять ее с партийными «руководителями из рабочих»? И в чем заключается в конечном счете требуемое «обновление партии»?

Ответы на эти вопросы теснейшим образом связаны с концепцией «пролетарской культуры». В качестве программы она впервые была сформулирована в «Платформе» группы «Вперед». Вместе с тем она — как предви-

14 *Отчет первой высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школы для рабочих. — Париж, 1910. — С.1.*

дение будущего социалистического общества — уже лежала в основе некоторых работ Богданова, написанных до революции 1905г., прежде всего это относится к циклу его статей, опубликованному в 1904г. в московском журнале «Правда» под характерным заголовком «Новый мир». «Пролетарская культура», как революционная стратегия «левых большевиков», стала господствующей идеологией в партийных школах, в которых Богданов видел зародыш «рабочих университетов» и которые в конечном счете вышли за четко очерченные для них поначалу рамки задачи подготовки будущих пролетарских партийных кадров. В конфликте Ленина с Богдановым эти партийные школы представляют собой серьезную политическую проблему. Ведь подготавливаемые здесь «рабочие ученики» должны были после окончания курса возвратиться в Россию (таково было условие для их приема в школы), чтобы там в качестве агитаторов и пропагандистов в новых «пропагандистских кружках», о которых говорится в «Платформе», распространять общественную и революционную теорию по Богданову. В деятельности партийных школ, которые означали как для него, так и для группы «Вперед» в первую очередь пропаганду отзовизма, Ленин сразу же, т.е. до начала работы этих школ, увидел серьезную опасность. Он всеми средствами попытался помешать их деятельности, перетянуть на свою сторону учеников и т.п. Да и его собственную, названную советской историографией «ленинской», организованную летом 1911г. в предместье Парижа Лонжюмо партийную школу следует, по сути дела, рассматривать как контрудар, как реакцию на основание партийных школ «левых большевиков». Ибо на основании своих представлений об агитации и пропаганде ему казалось, что в тот период «легальной возможности образования кадров»[15] отвечает больше трибуна Думы, чем партийные школы, организация которых вдали от России, в усложнившихся условиях эмиграции казалась Ленину едва ли осуществимой.

15 *Ленин В.И.//Полн.собр.соч. — Т.19. — С.24*

КНИГА СЕРВИС

СООБЩАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ, ЧТО НАШЕ ИЗДАНИЕ ВКЛЮЧЕНО В ПОДПИСНОЙ КАТАЛОГ АГЕНТСТВА

Подписку на журнал «Россия XXI» можно оформить в любом почтовом отделении Российской Федерации или непосредственно в Агентстве «Книга—Сервис» по адресу: 117168, г. Москва, ул. Кржижановского, 14 корп. 1.

Частным лицам можно отправлять почтовым переводом стоимость подписки в адрес Агентства. В графу «Для письменного сообщения» бланка почтового перевода аккуратно впишите название издания и количество комплектов. Издание будет доставляться по указанному Вами обратному адресу.

Сохраняйте квитанцию почтового перевода!

Организации могут перечислить стоимость подписки на расчетный счет Агентства и выслать в его адрес копию платежного поручения и заявку с указанием издания, количества комплектов, полного почтового адреса и ФИО подписчика.

Банковские реквизиты Агентства «Книга—Сервис»: р/с 7467374 в РосстроМбанке, к/с 161324 в РКЦ ГУ ЦБ РФ, г. Москва, МФО 44583001, уч. 83.

Цена подписки указана в подписном каталоге Агентства «Книга—Сервис»

Льготная подписка на журнал (без доставки) может быть оформлена в редакции по адресу: 103001 Москва, Гранатный пер., 24. Тел.: 202-28-31

В редакции вы сможете приобрести также отдельные номера нашего издания

Россия XXI

Россия

7–8
1996

Общественно-политический и научный журнал

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян
Чехарда 5

Александр Калинин
Выборы без выбора 35

Европейские параллели

Олег Кен
Чехословакия в политике Москвы (1932—1936 г.г.) 52

Ресурсы нации

Вячеслав Полосин
Фундаментальная политология 72

Пути духовных исканий

Олег Волгин
Об актуальности русской философии 94

Страницы истории

Юрий Бокарев
Директива №21 116

Ютта Шерер
Большевизм на распутье 137

Борис Кутузов
Политическая подоплека церковной реформы XVII века 153

Актуальный архив

Григорий Хозин
Космическая гонка: размышления над событиями полувековой давности 172

Contents in English look at the page 190

92 241ST XL 1003
06/97 53-005-00 БЕС

Ютта Шерер

БОЛЬШЕВИЗМ НА РАСПУТЬЕ: БОГДАНОВ И ЛЕНИН[1]

«Пролетарская культура»

The article analyses the theories of revolution and society of Alexander Alexandrovich Bogdanov (1873 - 1928), initially conceived by him as an alternative to orthodox marxism and also afterthe first Russian Revolution of 1905 as an alternative to "leninism (the term was already in use then). Bogdanov had joined Lenin's Bolshevik faction in 1903, but very soon criticised Lenin's authoritarian leadership style and at the end of 1909, together with the "left Bolsheviks (Lunacharsky, Bazarov, Pokrovsky, Gorky, Ljadov etc.), he founded the cultural-political Bolshevik group in Geneva. This was the vechicle for the theory of "proletarian culture which Bogdanov had elaborated in the Capri party school. In 1917 the mass movement "Proletkult was set up , strongly influenced by Bogdanov's pre-revolutionary ideas: by late 1920 it had almost as many members as the Communist Party and was therefore subordinated to the state apparatus by Lenin himself. The article shows by means of the philosophical, party-political and tactical disagreements between Bogdanov and Lenin, that Bolshevism, as it look shape in emigration before 1917, was not at all a unified, monolithic movement, but that Bogdanov and Lenin were developing radically different plans for the future Bolshevik society.

1 *Продолжение. Начало см. в №5—6, 1996 г.*

While Lenin's priority was a disciplined party controlled by an elite, Bogdanov's principle was that without a far-reaching transformation of the worker's concionsness and the creation of a specific "proletarian culture - as opposed to the intelligentsia culture of the party elite - a social, economic and political revolution in Russia was impossible.

В связи с тем, что каприйская школа, как говорится в отчете, написанном для утверждения (одобрения) всей партией, «видит свою первейшую задачу в классовом углублении социал-демократической пропаганды», а себя определяет как «новый инструмент классового воспитания пролетариата», главная цель ее не в подготовке «революционных политиков» (в духе ленинского представления о профессиональных революционерах), а напротив — в подготовке «сознательных социалистов, которые способны анализировать вопросы современности, исходя из классовой точки зрения». Еще яснее показывает это другой политический документ, родившийся непосредственно из деятельности школы на Капри и опубликованный в виде прокламации «Ко всем товарищам» издательством группы «Вперед» в начале 1910 г. в Париже. Ее автор Богданов утверждает, что организация углубленной социалистической пропаганды среди рабочих нежелательна для кучки партийных руководителей из интеллигенции, из «Большевистского центра». Он полагает, что эти «партийные интеллигенты», рассматривая руководство партией как свою монополию, считают подготовку руководителей из рабочей среды бесполезной тратой сил партии. «Такой страх перед «конкуренцией» свежих сил из самого пролетариата», «такая позиция не имеет с большевизмом ничего общего»[2], пишет Богданов. Далее он перечисляет необходимые условия воспитания сознательных социалистических рабочих для руководства массовым движением. Это прежде всего создание новой пропагандистской литературы и основание «рабочих партийных университетов», ибо «большевизм не простое политическое явление, но социально-культурное». Политическая гегемония пролетариата над буржуазией, разъясняет Богданов, немыслима без его общекультурной гегемонии. «Это — скрытая предпосылка большевизма, это идея создания теперь же, в рамках нынешнего общества, великой пролетарской культуры, более сильной и стройной, чем культура слабейших буржуазных классов, неизмеримо более свободной и творческой». Те же, кто не осознал этой непосредственной связи политики, науки, философии и литературы — т.е. задачи «пролетарской культуры», — те для

2 *Богданов А. (под псевдонимом Максимов). Не надо затемнять. Ко всем товарищам. — Париж., 1910. — С.4—5.*

Богданова — не большевики. Истинный большевизм, по его мнению, был предан существующими на Западе кружками и в первую очередь «Большевистским центром», этими «политически больными людьми». Большевизм живет только «в стойком и здоровом пролетарском движении», сила которого проявляется в организационной способности пролетариата, в отличие от раскольнической деятельности «большевистского центра». Согласно Богданову, истинный большевизм, подлинно революционное понимание задач пролетариата заключаются в политическом, культурном и социальном освобождении пролетариата во имя «социалистических идеалов».

В движении к этому великому будущему Богданов видит свой долг — во имя «старого большевизма» (как легитимирующей основы его группы) — «с вождями, если они этого хотят, без них — если не хотят, против них — если будут противодействовать». Освобождение рабочих, считает он, должно стать их собственным делом. «Наше дело есть дело коллектива, а не отдельных личностей», — так заканчивает он эту статью, которую можно расценить как манифест его «философии пролетарской борьбы», или «философии коллективизма», как называли ее сам автор и его единомышленники.

Из этой философии, из такого представления об организующей энергии коллектива или пролетариата, естественно вытекает и насущная задача большевиков — подготовка вождей пролетарского движения, внедряющих социалистическое сознание в массы. Именно в таком смысле и следует понимать употребляемое им понятие «рабочей интеллигенции». В работе «Культурные задачи нашего времени», написанной на материале лекций, прочитанных им в каприйской партийной школе и первоначально носившей измененный по цензурным соображениям заголовок «Культурные задачи пролетариата», Богданов говорит о «новой интеллигенции» как о выходце из «самого пролетариата»: она, по Богданову, сама пролетариат, окультуренный в нравственном, художественном и научном отношении. Эта «новая интеллигенция» пропитана «всеобщим опытом пролетариата» и уже поэтому никогда не расстанется с ним. Только она «способна придать труду необходимую последовательность и цельность, внутреннее единство ясной и всюду верной себе классовой психологии».[3]

Из опыта революции 1905 г. Богданов сделал вывод, что социалистическая революция будет возможна только при условии предварительного воспитания рабочих, подготовки из них сознательных социалистов; это особенно необходимо, поскольку в «будничной экономической и мелкополитической работе скрыта опасность сужения кругозора и уклонения от всякого революционного идеала в сторону компромиссов и поверхностного практи-

3 *Богданов А. Культурные задачи нашего времени. — М., 1911. — С.69.*

цизма».[4] Не вызывает сомнения, что эта концепция формирования сознания, воспитания в самом широком смысле этого слова обнимает всю совокупность человеческого опыта и практической политики. «Пролетарская культура» представляет собой как бы теорию, если не идеологию этого воспитания для будущего общества, да и вообще для человечества будущего, и с самого начала подразумевает гораздо больше, чем привлечение пролетарских масс к литературе и искусству. Значение, которое после 1917 г. постоянно вкладывается в это понятие, в существенных моментах ограничивает и урезает содержание теории, сформулированной Богдановым до революции, сводя ее к поощрению рабочих писателей, рабочих, художников. «Пролетарская культура» Богданова шире, она имеет в виду сознание и практику, она входит в сферу этики, а не эстетики; она — не философия, она не имеет отношения к философии. Но в качестве политического варианта она представляет собой альтернативу представлениям Ленина.

Богдановская концепция «пролетарской культуры», впервые программно высказанная в политической «платформе» группы «Вперед», в качестве общественно-культурного манифеста под названием «Социализм в настоящем», была подробно обоснована в культурно-политическом сборнике «Вперед» (начало 1911 г.), ориентированном исключительно на рабочую аудиторию. Это обоснование «пролетарской культуры», сохранившее свою значимость и при организации «Пролеткульта» вплоть до начала 20-х годов, мы вкратце изложим в связи с его принципиальной важностью как богдановской общей теории, ссылающейся на большевизм и при этом отмежевывающейся от Ленина.[5]

В своей ориентации Богданов исходил из следующего: «Сущность социализма ... заключается в товарищеской организации всего производства, т.е. в господстве товарищеских трудовых отношений между людьми». Отсюда следуют все прочие характерные черты социализма: общественная собственность на средства производства, упразднение классов и введение такого способа распределения продукции, которое позволит каждому заниматься трудом, отвечающим его склонностям. Однако эти условия могут осуществиться только в том случае, если рабочий класс одержит окончательную победу. «Но все же социализм есть не только будущее, но и настоящее; это не только идея, но и реальность».

Если в самом общем смысле под общественной организацией понимать «сотрудничество людей», то следует, поясняет Богданов, различать отношения товарищеские и нетоварищеские, опирающиеся на принципы конкурен-

4 *Богданов А. Не надо затемнять. — С.4.*

5 *Богданов А. (под псевдонимом Максимов). Социализм в настоящем// «Вперед». — 1911. — №2. — Февраль. — С.60—71.*

тной борьбы. Подлинно товарищеское сотрудничество в настоящее время можно встретить только среди рабочих на фабриках, ведь все они в равном положении — и по месту в производстве, и по условиям труда, и по интересам. В своем отношении к труду один рабочий близок к другому, работа одного теснейшим образом связана с работой другого, каждый рабочий может занять место другого, заменить его. Равенство положения означает равенство интересов. Взаимопонимание и сочувствие порождают товарищескую связь, распространяющуюся сперва на рабочих всевозможных производственных отраслей, а потом и на рабочих всех стран. Рабочие постепенно осознают эту товарищескую связь, она «входит в их чувства и их разум». Иначе говоря, становится классовым самосознанием. В этой уже существующей «сознательной организованности» в труде, в живой классовой кооперации и сознательно-товарищеском сотрудничестве рабочих следует видеть фактические, реальные ростки социализма.

Исходя из этого классового самосознания, рабочие должны формировать свой собственный общественный идеал, свои собственные формы межчеловеческих отношений, отличающиеся от отношений между людьми в старом обществе. Борьба за социализм — это не только борьба против капитализма, но и одновременно позитивная творческая работа по «созданию постоянно новых элементов социализма» трудящихся в их повседневной жизни, в межчеловеческих отношениях в своей среде. Не достаточно объединить пролетариат в единой организации (типа партии или профсоюзов); мало выдвигать перед пролетариями лозунги политической и экономической борьбы, — необходимо углублять их «внутреннюю связь», их «духовное единство» выработкой «социалистической пролетарской культуры». Образцом для этого должны послужить условия труда в технически передовых отраслях крупного машинного производства. Здесь, на конвейере, где большое значение для производственного процесса имеет каждое движение, каждая операция отдельного рабочего, возникает то взаимопонимание, та рабочая взаимосвязь и солидарность (называемая Богдановым духом товарищеского или коллективного сотрудничества), которые образуют и основы пролетарского сознания, и пролетарской идеологии, «пролетарской культуры».

«Пролетарская культура» охватывает всею «житейскую практику пролетариата», его «бытовую общекультурную жизнь». Это начинается со структуры рабочей семьи, которая, по Богданову, не может быть для социалистов частным делом. Остатки варварства в рабочих фамилиях, полное подчинение женщины мужчине, слепое повиновение детей родителям встречаются даже среди политически сознательных и политически активных рабочих. Дух товарищеской солидарности, лежащий в основе трудовых отношений рабочих на фабрике, должен — как социалистическое сознание — проникнуть в рабочие семьи.

То же самое относится к партийным организациям, где еще господствуют сильные остаточные проявления авторитарного, индивидуалистического стиля руководства и подчинение большинства авторитетному меньшинству. А

потому необходимо обнажить это чуждое «пролетарскому социализму» явление, показать полную несовместимость царящей в партийных организациях атмосферы с началами товарищеской дисциплины и коллективного труда; здесь — одно из важнейших «полей деятельности» «пролетарской культуры».

Третьим столпом «пролетарской культуры» — наряду с семейной и партийной моралью — является выработка новой науки и философии, а также нового искусства. Новые социалистические наука и философия должны опираться на пролетарский опыт, коренным образом отличающийся от опыта прежних классов. В связи с тем, что иные жизненные условия приводят к иным типам мировосприятия, к иному пониманию природы, «все науки и вся философия примут в руках пролетариата новый вид». Для современной науки и философии характерна раздробленность, расчлененность на отдельные специальные дисциплины; на основе же сознательных товарищеских отношений между рабочими, для которых полное взаимопонимание важнее всего остального, выработка социалистического понимания должна ориентироваться на упрощение и слияние наук. Следует выявить методы исследования, лежащие в основе всех наук, с тем чтобы получить общий ключ для различных областей. Этот ключ должен дать рабочим возможность быстро осваивать всевозможные науки, подобно тому «как рабочий машинного производства, зная по опыту общие черты и общие приемы его техники, может сравнительно легко переходить от одной специальности к другой».

Искусство, как и наука, также организует пролетарский опыт. Но делает оно это, используя не отвлеченные понятия, а живые образы. Вот почему «искусство как бы демократичнее науки», то есть оно ближе массам и шире распространено в них. «Пролетариату нужно свое, социалистическое искусство, проникнутое его чувствами, его стремлениями, его идеалами», для того чтобы пробудить массы к борьбе, учить их и «вести вперед, к светлому будущему».

Актуальную задачу пролетариата (помимо продолжения начатой ранее борьбы и организационной работы) Богданов видит в сознательном и последовательном накоплении, развитии и систематизации ростков новой культуры, элементов «социализма в современности». Только создавая свои собственные формы жизни во всех жизненных сферах, пролетариат, как считал Богданов, будет действовать творчески, в духе социализма. Такая постоянная творческая деятельность, направленная на создание социалистического классового строя, в конечном итоге приведет пролетариат к победе, в результате которой этот строй охватит все человечество.

Подлинным содержанием «пролетарской культуры» еще до завоевания власти политической является, по Богданову, завоевание духовной власти рабочим классом, которая послужит предпосылкой политической устойчивости власти пролетариата. Это, однако, не означает, что Богданов, «постулируя появление нового духа в сознании пролетариата, отказался от идеи скорой победы революции» и, занимаясь дальнейшей разработкой «пролетарской культуры», изменил своей первоначально «ультрарадикальной позиции», как утверждает Дитрих Грилле, поныне практически единственный

биограф Богданова.[6] Призыв Богданова к формированию подлинно пролетарского сознания, «пролетарской культуры» исходит, как было показано выше, в значительной мере из его критики партии и ее вождей-функционеров, которые, находясь в плену буржуазной культуры с ее характерными особенностями — склонностью к индивидуализму, преувеличиванием роли авторитета и т.п., — абсолютно несовместимы с «пролетарским опытом». В «Платформе», выражающей взгляды учеников и преподавателей каприйской школы и даже своей терминологией выдающей стиль Богданова, дальнейшее существование этой буржуазной культуры и ее мира объявляется серьезным препятствием для успеха революции вообще. Чем скорее удастся ликвидировать буржуазную культуру, тем больше шансов на победу революции, а сама революция постоянно находится в поле зрения Богданова, пусть он и отводит идейному формированию пролетариата более важную роль в успешном совершении революции, чем классовой борьбе. Говоря о культурной «самостоятельности» и «самодеятельности» пролетариата, на основе чего должно было строиться господство рабочего класса, Богданов считал, что находится в русле учения Маркса. Стремление Богданова пробудить активность пролетариата ввиду предстоящей революции, призыв к самопроизвольному творчеству рабочих масс оборачивались протестом против формирования элиты, так как в этой элите он видел силу, служащую пролетарской революции и тормозящую ее. В авангарде пролетариата должны стоять не интеллигенты, а промышленные рабочие, этот «самый сознательный» слой. Принципы грядущей культуры и будущей эпохи следует заимствовать только из общественного поведения рабочих. Ленин в апелляции к сознанию пролетариата как самого деятельного организатора революции, в «пролетарском социализме» Богданова увидел свидетельство леворадикальной позиции; Богданов же концепции элитарной партии Ленина противопоставил обращенную к массе, «анархистскую» (как называл ее Ленин) «пролетарскую культуру».

Призыв Богданова к пролетариату использовать свою творческую энергию для создания собственной науки и искусства был однозначно направлен против Ленина. В работе «Культурные задачи нашего времени», написанной на материале лекций в партийных школах на Капри и в Болонье, он поставил в вину «противникам идеи пролетарской культуры» (рядом с Лениным в их числе указан и Плеханов) их «крайний теоретический консерватизм». Марксизм, «учение, радикально отрицающее все абсолютные и вечные истины», — писал Богданов, — они превратили в саму абсолютную и вечную истину; равным образом они принимали знание, познание, эстетику и мораль (созданные

6 *Grille D. Lenins Rivale. Bogdanov und seine Philosophie. — Koln, 1966. — S.178.*

во всей своей совокупности интеллигенцией) за объективные и вечно справедливые истины, не видя в этом противоречия. Пролетариат, милостиво допускали они, напротив, должен видеть в марксизме привлекательную политическую и экономическую доктрину; по мнению Ленина и Плеханова, для нужд пролетариата вполне достаточно философии диалектического материализма, в самой доступной форме, разумеется. Эта «невероятная недооценка» творческих, культуросозидающих способностей пролетариата оправдывала богдановскую критику этих ведущих «идеологов рабочего класса», и даже обязывала к этому.[7]

В той же работе о культурных задачах пролетариата, к которым относится создание новой пролетарской энциклопедии, призванной — по образцу французской энциклопедии XVIII столетия — заложить в фундамент новой эпохи знание нового класса, Богданов изложил свое понимание культуры, давая тем самым идеологический ключ для своей социальной теории. «Интересной психологической загадкой», — пишет он, — до сих пор остается, почему марксистская литература никогда не занималась проблемой: как «идеология, или духовная культура, выполняет организующие функции в жизни общества, групп и классов».[8] Этот пробел в «историческом материализме» Богданов и пытается сознательно заполнить своей теорией функционального отношения идеологии к социальной структуре.[9] Ибо недостаточно «познать, что идеологии вышли из производства, что они зависят от него и суть его «надстройка», как выразился Маркс», констатирует Богданов в другом своем труде, также написанном на базе лекций на Капри и в Болонье и впервые опубликованном в 1914 г. в «Науке об общественном сознании». «Более того, следует точно и определенно выяснить, что они представляют собой на самом деле, в жизни, т.е. раскрыть практический смысл и значение этого понятия. Ибо вплоть до сегодняшнего дня в этом вопросе царит величайшая неясность».[10] Идеология, стремится разъяснить Богданов, ни в коем случае не играет подчиненной, по сравнению с экономикой, роли: как «надстройка», она не является простым следствием «базиса». Идеология есть орудие общественных организаций, промышленного производства, классов, вообще любых общественных сил и элементов — «инструмент», без которого невозможна никакая организация.[11] Но прежде всего Богданов хочет

7 *Богданов А. Культурные задачи нашего времени. — С.28—31.*

8 *Там же. — С.44.*

9 *Там же.*

10 *Цит. по немецкому переводу. Предисловие написано в 1913 г. См.: Bogdanov A. Die Entwicklungsformen der Gesellschaft und die Wissenschaft. — Berlin, 1924.*

11 *Ibid. — S.8.*

снять представление об идеологии как о неком «украшении» на здании общественного труда, показав взаимозависимость идеологической и экономической жизни; безусловно, науки — как технические, так и природоведческие — выросли из потребностей производства, их развитие можно объяснить только текущим состоянием промышленности, но и они, в свою очередь, по обратной связи, способствуют совершенствованиюпромышленного производства: ведь без науки немыслимы ни современные фабрики, ни металлургические заводы, ни лаборатории, ни железные дороги. А потому, по Богданову, допустимо сравнение идеологии с ролью мозга в организме: если развитие мозга и определяется развитием других органов и мозг зависит от них, то без мозга все эти органы просто бесполезны.

Так и идеология, как та или иная форма общественного сознания людей, служит для организации их жизни. Развитие классового сознания, т.е. идеологии прогрессивного класса, Богданов рассматривает как «насущную, исторически наиболее важную работу нашей эпохи», необходимую для образования идеологии рабочего класса, как «формирование основ его организации, участие в образовании мозга, задача которого — руководить могучим телом».[12] Согласно Богданову, развивать классовое сознание — все равно что организовывать классовые силы.[13] Социальные «организационные средства» или «организационный инструмент», идеология, суть «товарищеское сотрудничество», трудовой коллективизм или, иными словами, «пролетарская культура».

Сама культура, по определению Богданова, имеет «организующую функцию», она «оформление и закрепление определенной организации».[14] Культура — это сумма всех материальных и нематериальных достижений человечества в процессе труда, возвышающего человека над природой и совершенствующего жизнь. Техника вместе со своими вспомогательными средствами, машинами и транспортом, практический и научный опыт, язык и искусство, нравы и обычаи, мораль, право и политика — все это составные части культуры, к ней следует отнести и развитие физической силы, и укрепление здоровья с помощью гимнастики и т.п. При этом следует различать материальную и духовную культуры. Материальная культура охватывает всю сферу промышленного производства совместной трудовой деятельности людей, развитие производительных сил общества, обеспечивающих господство над внешней природой, плюс все средства и формы производства, а также технические и экономические отношения. Духовная

12 *Ibid.*

13 *Богданов А. Культурные задачи нашего времени. — С.45. («Развивать классовое самосознание — значит организовать классовые силы»).*

14 *Там же. — С.51.*

же культура, хотя и объемлет область идеологии, общественного сознания, — философии, этики, политики, искусства, — но не изолирована от материальной культуры. Возникновение и функции идеологических принципов можно понять только на основе анализа их «материальных» предпосылок, т.е. технических и экономических условий. Уровень технического развития общества, его экономическая структура суть отправная точка идеологии или, на языке Богданова, «культурных задач» общества.

А сами «задачи культуры» несут в себе организующую, реальную общественно-политическую функцию, структурируя в конечном счете производственные отношения людей: как технические — к природе, так и экономические — между собой. И объективный смысл идеологических процессов, по Богданову, заключается в фиксации этих отношений, в их регулировании и координации: «Формы мышления определяются производственными отношениями, для которых они служат организующими средствами, причем основные формы мышления (идеологии) определяются основными производственными отношениями».[15]

Выявляемые в истории основные формы кооперации в процессе разделения труда и соответствующие им формы мышления или «необходимые приспособления» идеологии к труду видятся Богданову в пяти формах развития:

1. Первобытная совместная деятельность — первобытные идеологии (период первобытного коммунизма).

2. Примитивная авторитарная форма сотрудничества — примитивные авторитарные идеологии (эпоха патриархально-языческих организаций).

3. Развитая авторитарная форма сотрудничества — сложные разработанные авторитарные идеологии (эпоха феодализма).

4. Анархическое сотрудничество — индивидуалистические идеологии (мелкобуржуазное и капиталистическое общество).

5. «Товарищеское сотрудничество» — коллективистские идеологии (период коллективизма, зародыши которого возникают благодаря рабочему классу еще в период капитализма).[16]

Идеология, как разъясняет Богданов во всех своих сочинениях с самого раннего периода и прежде всего в «Эмпириомонизме», есть витальная,

15 *Bogdanov A. Einige Missverstandnisse. Eine Antwort an Karl Kautsky // Die Gesellschaft. Internationale Revue fur Sozialismus und Politik. — B.2 — Berlin, 1925. — S.287. Карл Каутский в 1925 г. в I томе «Общества» (Die Gesellschaft (S.564—578)) дал очень критический анализ немецкого перевода богдановской работы о формах развития общества и науки.*

16 *Подробное изложение этой схемы см.: Богданов А. Наука об общественном сознании. — М., 1914.*

животворная сила общества. Без идеологии не может быть и речи о реальных общественных классах. Если «базисом» для деления общества на социальные группы и классы является технический процесс, промышленное производство, то «формирующим моментом» «базиса» является идеология или идеологии.[17] Идеология играет объективную роль в жизни общества, она выполняет необходимую социальную функцию; общество нуждается в идеологии. «Идеология в своем зарождении выступает как организующая форма социально-трудовой жизни».[18] Идеология — средство организации совокупной жизненной практики общества. Идеология преобразует опыт в знание.

В третьем томе «Эмпириомонизма» (1906) Богданов так обосновывает свое понимание задачи идеологии — организации опыта в знание: разделение общества на социальные группы и классы есть результат качественного и количественного технического прогресса. Общественные группы возникают в результате развития социализации, классы — в результате прогрессивного усвоения организаторских и исполнительных функций в обществе. Деление общества на группы и классы порождает — в отношении социального отбора — определенные, четко очерченные социальные комплексы, особенно если в них образуются конкретные, отличающиеся друг от друга идеологии, задающие направление социального отбора в рамках этих общностей.

Выделение общественных групп протекает на основе двух сменяющих друг друга тенденций: дифференциация техники, ведущая к различного рода специализациям, и ее интеграция, унифицирующая в единстве и специализированных функциях промышленное производство. Технический прогресс вплоть до эры машинного производства шел по первому варианту — здесь границы общественных групп имеют твердые очертания, они достигают высокой степени долговечности (что, к примеру, характерно для цехов и гильдий); вследствие накопления и роста организованности верх берет интегрирующая тенденция в самых различных областях, но преимущественно в машинном производстве, вырабатываются общие методы, границы специализации начинают размываться, и идеологии общественных групп начинают сближаться и сливаться, хотя единство рабочих методов еще не отменяет «дробления общества» на социальные группы.

Раскол общества на классы возникает на самых ранних стадиях дифференциации в результате особых отношений между организатором и общественной идеологией. «Организатор есть персональная форма

17 *Богданов А. Эмпириомонизм. — Кн. III. — СПб., 1906. — С.89.*

18 *Богданов А. Культурные задачи нашего времени. — С.9.*

организующего приспособления, идеология — форма безличная». Организатор живет и трудится, а идеология развивается на базе одной и той же социально-энергетической величины — изучения, собирания и усвоения энергии в непосредственном трудовом, т.е. техническом процессе. В качестве первых творцов идеологии выступают организаторские элементы общества, причем созданная ими идеология и предназначена для всего общества. Выработанная организаторской частью общества идеология полностью сохраняет свое значение для обеих частей общества до тех пор, пока она в самом деле обязательна для обеих частей. Если же это условие не соблюдается и «жизненное содержание» обеих частей общества принципиально расходится (например, к началу рабовладельческого периода, когда верхний слой общества переходит к меновой торговле, а низший все еще сохраняет связь с натуральным хозяйством), то начинается идеологическое разделение классов: идеология высшего класса вступает в противоречие с жизненным опытом и потребностями низшего класса. Противоречие постепенно обостряется, так как организаторская функция высшего класса позволяет ему организовывать жизнь низшего класса на основе норм, не отвечающих жизненным условиям последнего. Эти нормы имеют для угнетенного класса значение внешней силы, которая (подобно силам природы, лежащей вне пределов общества) хотя и враждебна, но к которой волей-неволей приходится приспосабливаться. Здесь, по мысли Богданова, перед нами выступает первое и принципиальное классовое противоречие, исходный пункт для возникновения классовой борьбы.

Среди различных исторических типов развития классов исключительное значение имеют лишь два: рабовладельческий и капиталистический. Все прочие (скажем, феодальный) можно свести к двум упомянутым типам, на определенном уровне своего развития они совпадают. Организаторский класс, все более отделяющийся от процесса технического производства, теряет с течением времени свою реальную организаторскую функцию, превращаясь в паразитический класс: он вырождается и утрачивает тем самым свою общественную силу и влияние. Оба типа отличаются друг от друга своими исходными пунктами и конечными общественными результатами. Античный тип классового развития базируется на патриархальном начале, рабовладельческом натуральном хозяйстве, которое хотя и усложняется с появлением меновой торговли, но последняя затрагивает только верхние слои общества. Организаторское влияние господ распространяется на все существование рабов, связь между господами и рабами жесткая, т.е. она может быть разорвана только по воле господ, но не рабов. Этот тип классового развития превращает рабочего в инструмент производства. Технический прогресс останавливается. Идеология рабов возникнуть не может, она существует

только в зародыше и дальше не идет; классовая борьба отсутствует. Упадок обоих классов происходит в форме развала всего общества. Капиталистический тип классового развития начинается с мелкобуржуазной меновой организации. Организаторская роль предпринимателя ограничена определенной частью существования и жизни рабочего, а именно: его рабочим днем. Связь между предпринимателем и рабочим подвижна, она может стать предметом договора. Это и является причиной прогрессивного превращения массы отдельных рабочих («работников-исполнителей») в сплоченный коллектив, способный в неограниченно растущей степени к роли организатора. Быстрый технический процесс, присущий этому типу развития, стимулирует активное развитие обеих противоположных классовых идеологий и классовой борьбы. Это приводит к развалу бывшего класса организаторов и способствует переходу общества от классового развития в противоречиях к целостному гармоническому развитию. Стихийность, как внеобщественная, так и общественная, преодолевается «планомерно-организованной силой человечества», власть его над природой безмерно расширяется.[19]

Если в богдановской теории и отводится идеологии исключительно важная роль, все же она не является, как часто утверждают, первичным фактором общественной каузальности; идеология не играет в социальном развитии самостоятельной роли. Любое изменение в структуре вызвано техникой, а не идеологией. Базисом общественной эволюции, считает Богданов, подчеркивая свою связь с марксизмом, является технический прогресс; любое прогрессивное изменение общественных форм вытекает из технико-производственного процесса. И все же идеология не менее важна, чем техника, хотя значение ее и имеет «иной характер».[20] Так, Богданов еще в опубликованной в 1902 г. статье «Развитие жизни в природе и в обществе» выделял тесную связь и даже взаимообусловленность техники и идеологии. Технический прогресс, разъясняет он, осуществляется благодаря изобретениям, которые, в свою очередь, представляют собой сумму всех технических и отвлеченных знаний самого изобретателя; работа изобретателя опирается на материал познания — технику (базис) — и методы познания — науку (надстройку). Без последних, «идеологических», предпосылок изобретения по большей части не были бы сделаны вообще. Степень совершенства тем самым определяется количеством и качеством этих предпосылок. Из этой взаимозависимости техники и идеологии Богданов делает вывод о

19 *Богданов А. Исторический монизм: классы и группы // Богданов А. Эмпириомонизм. — Кн.III. — С.139—142.*

20 *См. в этой связи статью А.Богданова «Развитие жизни в природе и в обществе» // Богданов А. Из психологии общества. — СПб., 1904. — С.81—87.*

том, что «познание есть организованный трудовой опыт общества». Эта идея, подчеркивает Богданов, не противоречит марксистскому представлению о технике как об основе общественной жизни по следующим причинам: 1. Хотя формы познания, а также все прочие идеологические формы являются материалом и условием общественного развития, они, тем не менее, не являются «движущими силами» этого развития. Толчок к образованию новых форм исходит из технической сферы. Именно здесь следует искать истоки любого процесса социальной трансформации. 2. Следует учитывать значение идеологии как таковой; идеология — это «организующая форма», а то, что она организует, есть в конечном счете технический процесс. Таким образом, идеология как бы ограничена рамками технического прогресса, что определяет в общем и ее содержание. Итак, влияние идеологии на техническое развитие само коренится в технической жизни.[21]

Это значение идеологии сохраняется, по мысли Богданова, и для великих и многочисленных научных открытий, сделанных в основном с конца прошлого столетия, которые нередко ведут непосредственно к возникновению новых технических форм. Но и здесь, как считает Богданов, пусть это и не всегда очевидно, открытие всегда есть результат нового трудового опыта, накопленного в области самой технической жизни, в «технологическом базисе». Научные исследования, приводящие к исключительно важным техническим результатам (такие, например, как открытие излучения Рентгеном или радия супругами Кюри), представляют собой идеологический процесс, хотя основополагающей его частью является технический труд. Между химической лабораторией ученого и заводской химической лабораторией нет никакой существенной разницы, полагает Богданов.

Итак, согласно Богданову, если идеология не может никогда быть «первым двигателем» в процессе изменения форм общественного развития,[22] то выдающееся ее значение состоит в умении организовать, осознать порождаемые техническим развитием общества формы как трансформирующие его. Эту функцию идеологии (т.е. развитие сознания), Богданов (нельзя не

21 *См. также богдановскую дефиницию идеологии в предисловии к новому (М., 1919) изданию его «Краткого курса экономической науки» (в период 1897—1906 гг. книга издавалась 9 раз). Идеология является организационным инструментом экономической жизни и, следовательно, важным условием экономического развития. Цит. по английскому переводу русского издания 1919 года: Bogdanov A. A Short Course of Economic Science. — L., 1925.*

22 *Богданов А. Эмпириомонизм. — Кн.III. — С.66 («Одного не может сделать никакая идеология — вызвать развитие, послужить для него первичным двигателем»).*

заметить здесь у него активистской, если не волюнтаристской черты), характеризует как культурную задачу, цель которой в том, чтобы из материала, задаваемого «техническим базисом», экстраполировать соответствующие формы мышления, «картины мира» и организовать их в различных областях в качестве философии, этики, искусства, политики... Поскольку последние технические достижения можно встретить в крупном машинном производстве, а также и в связи с тем, что новейшее состояние технических методов и технического трудового опыта воплощается в самой прогрессивной части промышленного пролетариата, Богданов рассматривает в качестве важнейшей «культурной задачи» идеологии своего времени организацию сознания этого класса — «пролетарскую культуру», т.е. пролетарскую науку, пролетарскую философию, пролетарское искусство, пролетарскую мораль и, прежде всего, пролетарские политические организации.

Однако «пролетарская культура», долг которой — систематически связывать результаты и методы современного состояния науки с коллективным трудовым опытом, с практикой рабочего класса, может быть осознана, т.е. организована, по Богданову, лишь теми, кто обладает этим классовым опытом. Следовательно, решать эту «культурную задачу» — самому пролетариату, и уж никак не «пришлым теоретикам коллектива», представителям буржуазной интеллигенции.[23] Если основой жизни пролетариата является технический процесс или промышленное производство и если порождением этого оказывается социальная — как экономическая, так и политическая — борьба пролетариата, то обе эти сферы равным образом определяются коллективным опытом. Идеологам же из интеллигенции незнакома и глубоко чужда главная из этих областей — производственная техника. Согласно Богданову, интеллигенция, специализирующаяся на «социальных вопросах», не знакома с физической стороной промышленного производства, да и в отношении идеологии, отвечающей промышленному производству, она не обладает основательными данными. Даже в рамках ее специализации (имеются в виду социологические проблемы) у нее — в отличие от пролетариата — нет непосредственной связи с практической, конкретной жизнью. Очевидно, считал Богданов, что эта «пришлая интеллигенция», которая, быть может, и полезна рабочим в их организациях, в их политической и профсоюзной деятельности (хотя надо сказать, что именно здесь она очень часто действует в духе оппортунизма), абсолютно неспособна решить «культурные задачи» рабочего класса. Не «варяги» из буржуазной интеллигенции, а «новая интеллигенция» из рядов самого пролетариата творит «пролетарскую культуру».

Здесь круг как бы замкнулся: начиная с революции 1905 г., в эмиграции, а также с 1913 г. в России и вплоть до 20-х годов (по сути дела до самой

23 *Богданов А. Культурные задачи нашего времени. — С.68—69.*

смерти) все стремления Богданова в теории и практике нацелены на формирование идеологии и организацию его творческих и человеческих способностей. Он видел это в создании пропагандистской литературы, основании партийных школ, являющихся по своим задачам «высшими школами для рабочих», первого пролетарского университета, открывшегося в Москве в 1918 г. С этой задачей связаны и богдановский проект новой пролетарской энциклопедии, движение «Пролеткульта» и, наконец, эксперименты самого Богданова и исследования по переливанию крови, которые должны были способствовать продлению жизни членов грядущего, творимого «пролетарской культурой» общества.

Богданов по сути своей был интеллигентом и не мог отрицать своей собственной принадлежности к тем «белым воронам», «перелетным птицам», о которых он часто высказывался с неодобрением. Однако, во-первых, он старался преуменьшить роль этого факта (безусловно, мучившего его как апологета пролетариата в его самоопределении и обособлении от интеллигенции) указывая на свое научно-техническое образование, которое, согласно его теории, ставило его в один ряд с техническими экспертами в заводских лабораториях (и те и другие вместе воплощают в себе технический и трудовой опыт, а тем самым и идеологию промышленных сил общества; и те и другие суть обе стороны современной промышленной «гармонии»).[24] Во-вторых, в своей философии коллективизма и в своем поведении, постоянно связанными с коллективом, Богданов сознательно пытался отмежеваться от менталитета интеллигенции, пропитанной духом буржуазного индивидуализма. Всякие ссылки на индивидуализм, индивидуальное мышление,[25] отдельную независимую личность, а главное — на авторитет Богданов объявлял абсолютизацией мышления, «фетишизмом» собственного «я»... Мы не будем останавливаться на том, удалось ему это или нет.

(Окончание следует.)

---

24 *О гармонии в современном производстве и в новом обществе будет сказано ниже.*

25 *Дело обстоит так, что Богданов, который был великолепно знаком с социальными теориями своего времени, ни в одном из своих произведений не упоминает ни сами концепции, ни их создателей, хотя их (например, Сореля) влияние на собственные концепции Богданова совершенно неоспоримо. Все эти идеи были для него продуктом коллективного опыта, где индивид, преобразовавший опыт, выразив его языком теоретических концепций, не играл существенной роли. Эти идеи были близки также «левым» большевикам, Луначарскому, Вольскому, которые также не упоминали индивидуальных творцов.*

РОССИЯ XXI

9-10
1996

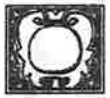
Общественно-политический и научный журнал

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян
Россия в ситуации новых вызовов 4

Грани катастрофы

Александр Иголкин
Загадка русской нефти 24



Геоглобалистика

Владимир Дегоев
Россия, Великобритания и происхождение Крымской войны 44
Александр Степанов, Анатолий Уткин
Геоисторические особенности формирования российского военно-государственного общества 69

Современные утопии

Юрий Бокарев
Скачок в рынок 96

Ресурсы нации

Людмила Найденова
Что же в иноке от иного? 114

Страницы истории

Ютта Шерер
Большевизм на распутье 134
Александр Рупасов, Николай Семенов
О попытке внутрипартийного переворота в руководстве финской коммунистической эмиграции (1920 г.) 155

Актуальный архив

Лариса Сенчакова
Крестьяне и Государственная Дума (1906—1907 гг.) 164

Редакционная почта

Ирина Медведева, Татьяна Шишова
Мои первые книжки 181

Ютта Шерер

БОЛЬШЕВИЗМ НА РАСПУТЬЕ: БОГДАНОВ И ЛЕНИН*

The article analyses the theories of revolution and society of Alexander Alexandrovich Bogdanov (1873—1928), initially conceived by him as an alternative to orthodox marxism and also after the first Russian Revolution of 1905 as an alternative to «leninism» (the term was already in use then). Bogdanov had joined Lenin's Bolshevik faction in 1903, but very soon criticised Lenin's authoritarian leadership style and at the end of 1909, together with the «left Bolsheviks» (Lunacharsky, Bazarov, Pokrovsky, Gorky, Ljadov etc.), he founded the cultural-political Bolshevik group «Vpered» in emigration in Geneva. This was the vehicle for the theory of «proletarian culture» which Bogdanov had elaborated in the Capri party school. In 1917 the mass movement «Proletkult» was set up, strongly influenced by Bogdanov's prerevolutionary ideas: by late 1920 it had almost as many members as the Communist Party and was therefore subordinated to the state apparatus by Lenin himself. The article shows by means of the philosophical, party-political and tactical disagreements between Bogdanov and Lenin, that Bolshevism, as it took shape in emigration before 1917, was not at all a unified, monolithic movement, but that Bogdanov and Lenin were developing radically different plans for the future Bolshevik society. While Lenin's priority was a disciplined party controlled by an elite, Bogdanov's principle was that without a far-reaching transformation of the worker's conscionsness and the creation of a specific «proletarian culture» — as opposed to the intelligentsia culture of the party elite — a social, economic and political revolution in Russia was impossible.

Коллективизм — идеология будущего общества

Рассмотрим план общий. Именно от этого «фетишизма», воплощением которого являются «идеологические вожди» (в первую голову Ленин и Плеханов), хочет раз и навсегда избавиться «пролетарская культура», опи-

* *Окончание. Начало см. в №№5—6, 7—8 1996 г.*

рающаяся на «объединение людей в новом коллективе».[1] «Классовое сознание пролетариата есть его идеологическая революция, предшествующая общей социальной». В нем по всей линии происходит, последовательно и неуклонно, разрушение великого фетишизма во всех его видах и проявлениях. Работа Богданова «Падение великого фетишизма», анализирующая «современный кризис идеологии», представляет собой страстную апологию нового коллектива рабочих и призыв к разрушению стереотипа индивидуалистически-авторитарного поведения вождей-идеологов, препятствующих формированию «коллективного самосознания».[2] Автор стремился доказать, что коллективистская идеология, по крайней мере в зачаточной форме, возникает в эпоху капитализма — т.е. до появления подлинно коллективистского способа производства — в результате того, что на базе машинного производства и современной техники развиваются новый тип трудовых отношений и сотрудничество рабочих, «товарищеская солидарность». Ей, по Богданову, соответствует формирующийся новый тип культуры, «пролетарская культура» или коллективизм.

В чем заключается новый характер труда, лежащий в основе коллективизма, идеологии общества будущего? Этому посвящена книга Богданова «Наука об общественном сознании», написанная в форме вопросов и ответов, по излюбленной для него дидактической модели, характерной для многочисленных, адресованных непосредственно рабочим, сочинений. Эта работа, в основу которой положены лекции Богданова, читанные им в партийных школах на Капри и в Болонье, вышла в свет в 1914 г., переиздавалась в 1919 и 1923 гг. и использовалась в двадцатые годы в качестве учебника для совпартшкол.

В отличие от ручного труда, требующего от рабочего непосредственного приложения физической силы, говорится в этой книге, в машинном производстве рабочий управляет машиной. Новая форма труда является «исполнительно-организаторской» и объединяет тем самым в себе признаки прежде четко разведенных форм труда: с одной стороны, труда «организатора», управляющего деятельностью исполнителей и контролирующего производство, а с другой,— рабочего-исполнителя. Новые технические условия ведут к росту уровня технического сознания и общего умственного развития рабочего. Так что в принципе, считает Богданов, стирается различие между ролью инженера и ролью рабочего: «организатор»

[1] *Богданов А. Культурные задачи нашего времени.— М., 1911.— С.83.*

[2] *Богданов А. Падение великого фетишизма. Современный кризис идеологии.— М., 1910.— С.114-115.*

трудится с использованием тех же самых методов, что и «исполнитель», хотя первый располагает большим объемом технических данных. В результате этого тип рабочего унифицируется, а различия относятся только к уровню развития. Дальнейшее совершенствование машинной техники (все более высокий тип самоуправляемых машин-автоматов) с необходимостью ведет «простых» рабочих к абсолютному уравниванию их труда с научно-организаторским трудом инженера.

Этот совместный труд, обусловленный единообразием труда в машинном производстве и опирающийся на сознание и сознательность рабочих, является «товарищеским». Но, даже если машинное производство ведет к широкому распространению товарищеской солидарности среди рабочих, все же в непосредственном трудовом процессе современной эпохи она не может выработаться в своей окончательной форме и достичь своего полного значения, ибо, пока существует капиталистическая система, у «организатора» сохраняется научно-организаторская власть над фабрикой и основные решения в области производства принимаются без участия рабочих. Товарищеский коллектив рабочих, который не только совместно осуществляет всю работу, как при капитализме, но и сообща принимает решения в отношении этой работы, предполагает «изменение всей структуры экономических условий» и «повышение уровня развития рабочих», «так что в товарищеский коллектив как сотрудники включаются и организаторы, превосходящие остальных только по своему уровню (ступени), но не по типу развития».[3] Богданов считает, что равным образом в условиях капитализма не может быть достигнута наивысшая точка развития технологии, технической предпосылки «культуры коллективизма — самоуправляемые машины, которые, по Богданову, символ покорения природы человеком, и абсолютное уравнивание рабочего и инженера, т.е. устранение классовых различий. Эти исключительно сложные в изготовлении, автоматически управляемые механизмы станут реальностью только тогда, когда центральной идеей экономики станут интересы производителей и производства, а не эксплуатация, т.е. в коллективной («коллективистической») организации. Капитализму, считает Богданов, вообще чужд автоматически управляемый механизм, поскольку для этого были бы потребны слишком дорогие машины, ибо капиталистическая структура не столько стремится к

[3] *Bogdanov A. Die Entwicklungsformen der Gesellschaft und die Wissenschaft.— Berlin, 1924.— S.198—199.*

совершенствованию машин, сколько думает лишь о выгоде предприятия.[4] Но чем совершеннее машина, чем сложнее и точнее ее механизмы, чем выше уровень ее автоматизации и управления ее работой, тем скорее рабочий перестает быть рабом машины. В его жизнь проникают элементы организационного труда, и он вынужденно становится мыслящим «руководителем», «организатором».

Единственным местом, где коллектив рабочих уже выполняет функцию решающей, а не исполнительной инстанции, является классовая организация рабочего движения. «В области классовой борьбы рабочие являются самостоятельной партией».[5] Однако — и здесь снова проступает озабоченность Богданова рудиментами авторитарных отношений, ориентирующихся на буржуазную культуру, в рамках рабочего класса и прежде всего внутри партийных организаций, — эта «связь товарищества» пока несовершенна: для нее еще характерны пассивное подчинение, слепая вера в авторитеты, некритическое доверие к вождям и вытекающая отсюда безынициативность рабочих по отношению к вождям.[6] И, тем не менее, условия классовой

[4] *При капитализме такой механизм можно найти лишь там, где в роли предпринимателя выступает само государство, и там, где речь идет не о цене машин, а о точности, совершенстве, скорости. Например, в военной технике, которая выработала в высшей степени развитые формы: саморегулирующиеся машины, такие как торпеды, автоматически движущиеся плавающие машины для уничтожения судов, перемещением которых управляют даже, когда они находятся под водой. См. Bogdanov A. Die Entwicklungsformen der Gesellschaft und die Wissenschaft.— S.195. См. по этому поводу также более раннюю работу Богданова «Краткий курс экономической науки» (глава «Социалистическое общество»; однако там отсутствуют упоминания наиболее современных военных машин).*

[5] *Bogdanov A. Die Entwicklungsformen der Gesellschaft und die Wissenschaft.—S.199.*

[6] *Эту плененность пролетариата буржуазной культурой Богданов еще более определенно трактует в своем написанном в 1923 г. предисловии к немецкому изданию первого тома о всеобщем учении об организации. По Богданову, эта зависимость (плененность) связана с гомогенностью общества при идущих процессах разрушения специализации отдельных его членов, которые порождают не только взаимное недоверие, но и реальные конкретные противоречия между членами самого общества. В качестве примера Богданов приводил в этой связи обособление квалифицированных высших слоев и неквалифицированных низших слоев во Втором и Третьем Интернационале, а также «цеховые» тенденции в профсоюзном движении, различие между программой и тактикой профсоюзов, товариществ, а также полити-*

борьбы и связанная с ними товарищеская дисциплина промышленного пролетариата (поскольку рабочая сила при капитализме подвижна, отдельный рабочий трудится сегодня то с одним, то с другим товарищем, а бывает и так, что сегодня в одном, а завтра в другом рабочем коллективе) приводят к тому, что каждый рабочий становится товарищем всякому другому рабочему. Опирающийся на идею и идеал коллективного труда новый тип идеологии, коллективистская культура, зарождается, таким образом, при капитализме, в эпоху механического производства. Однако в рамках капитализма этот тип не может стать господствующим и в результате этого формируется как классовый — пролетарский — тип. Господствующим этот классовый тип становится лишь в системе социалистического производства и уже только тогда — моделью всего неразделенного на классы общества, всего человечества. «Здесь сотрудничество следует понимать как хозяйственную общность общества»; гармония и сила коллектива становятся «сущностью человеческого прогресса вообще».[7] По Богданову, идеология класса становится всеобщей, сам же класс растворяется в товарищеском коллективе всего человечества, всего мира.[8] «Пролетарская культура» становится тем самым социалистической культурой человечества, классовая функция оказывается излишней, отчуждение устраняется. Уже не буржуазное сознание индивида, уже не личность как особая самостоятельная единица, автономный центр интересов, стремлений и познания играют главную роль, но лишь новое сознание, коллектив и «новый человек», коллективист. Здесь все будут тружениками, все смогут удовлетворять свою творческую потребность (результат избытка трудовой энергии) в сфере труда. Дальнейшее развитие грядущего общества будет исключительно гармоническим.[9]

Система труда в коллективистском обществе Богдановым определяется как «гармоническая организованность». Отношения между рабочими основываются тогда на абсолютном их равенстве; эти отношения свободны от конкурентной борьбы между рабочими (ведь уже нет каких бы то ни было авторитетов, и каждый может перейти от своей специальности к другой).

Основанная на таких трудовых отношениях система мышления будет

ческих партий рабочего класса и т.д. См.: Bogdanov A. Allgemeine Organisationslehre. Tektologie.— B.1.— Berlin, 1926.— S.11.

[7] *Bogdanov A. Die Entwicklungsformen der Gesellschaft und die Wissenschaft.— S.37.*

[8] *Ibid.— S.200.*

[9] *Богданов А. Краткий курс экономической науки.— 3-е изд.— М., 1906.— С.285.*

гармонически-монистической, ибо идеалы труда и познания совпадают. Товарищеская организация всей человеческой жизни осуществляется на базе обобщенного, монистического мышления. Последнее представляет собой всеобщий организационный принцип определенного социального механизма, который нормирует организацию характером системы управления, т.е. планомерно овладевает ею. Абсолютная гармония означает второстепенность таких понятий, как свобода, счастье. Царствует вневременность самообновляющегося и вечно движущегося «социального автомата».

Эту соответствующую коллективному покорению природы систему мышления, идеологию коллективизма, Богданов разрабатывал в трех книгах главного труда своего раннего творческого периода — в «Эмпириомонизме», набрасывая философские основы общей теории коллективистского общества или организации коллективистского человечества. Данное в «Эмпириомонизме» обоснование тесной взаимосвязи идеологии и технического прогресса становится идеологией самого технического процесса (технический опыт и техническое познание). Эмпириомонизм — это общественно-трудовое понимание мира. Идеология определяется как «собственная организация», как «пролетарская по тенденциям, познавательная идеология технического процесса, в своей общей схеме воспроизводящая основные черты строения современного общества».[10]

Путь Богданова логически привел его от «Эмпириомонизма» через «пролетарскую культуру» прямо к разработке науки, объединяющей в себе и научно систематизирующей совокупный организаторский опыт: это была всеобщая организационная наука, тектология. Первую часть «Тектологии», задуманную непосредственно после завершения преподавательской деятельности в партийных школах на Капри и в Болонье, Богданов опубликовал в 1913 г., вторая была закончена в 1916 г., но напечатана только после революции. В 1922 г. в свет вышло переработанное издание обеих частей, дополненное третьей (важнейшие главы были предварительно опубликованы в журнале «Пролетарская культура» в 1919—1920 гг.); третье издание — в 1927 г. Последняя редакция третьей части (также под названием «Тектология») увидела свет в 1929 г., уже после смерти Богданова.

В этом поистине монументальном труде, который сам Богданов назвал «всеобщим учением о природе», он пытается доказать, «что любую человеческую деятельность в области техники, социальной практики, научных исследований и искусства можно рассматривать как материал организатор-

[10] *Богданов А. Эмпириомонизм.— Кн. III.— СПб., 1906.— С.159.*

ского опыта и исследовать с организаторской точки зрения»,[11] ибо человечество не знает никакой другой деятельности, никаких других задач, кроме организаторских. И если природа есть организация за пределами человеческих целей, то техника — организация для человеческих целей.[12] Формулу «старого учителя научного социализма, Фридриха Энгельса», — «производство людей, производство вещей, производство идей» — «следует сформулировать точнее», с учетом опытных фактов и идей, выработанных на новейшем уровне науки и техники. По Богданову, она должна звучать так: «организация внешних сил природы, организация человеческих сил, организация опыта».[13] Или, если сформулировать по-другому: технически общество организует внешний мир, экономически оно организует само себя, и идеологически оно организует свой опыт и переживания.

Единство организационных методов — необходимый результат текущего развития науки и техники.[14] Задача «тектологии» (от греческого глагола tekteion — строить, конструировать), которую Богданов считает наилучшим синонимом современного понятия «организация», заключается в систематизации организаторского опыта. Это подразумевает понимание всех наук как организационных инструментов единого общественного трудового процесса, требующего, безусловно, гармонической и единой организации; сведение этих инструментов в гармонически завершенное единство и выработку всеобщих методов, точек зрения и подходов, связывающих все специальные науки между собой. Целью является единая «монистическая» наука, образующая систему общих методов и законов, которые лежат в основе всех специальных областей. Общий базис этой науки «по мере развития будет все более превалировать над ее специализированными сторонами»; затем должно исчезнуть разделение на особые дисциплины, и «переход из одной в другую будет столь возможным и легким, как переход от одной специальности к другой в рамках машинного производства».[15]

Чем больше наука в своем развитии движется в сторону «монистической» науки, тем больше утрачивает свое значение философия

[11] *Цит. по немецкому изданию. См.: Bogdanov A. Allgemeine Organisationslehre. Tektologie.— Berlin, 1926.— B. 1.— S.19.*

[12] *Ibid.— S.23.*

[13] *Ibid.— S.21.*

[14] *Ibid.— S.47.*

[15] *Bogdanov A. Die Entwicklungsformen der Gesellschaft und die Wissenschaft.— S.211.*

как попытка осмыслить разрозненные познания в неком единстве; утратив свою необходимость, она частично отомрет, а частично перейдет в монистическую науку. В свое время универсальность философии состояла в нахождении синтеза опыта в форме гармонической, целостной картины мира. Однако постулат об универсальном единстве, достигаемом посредством философии, — «спокойное созерцание единства» — выглядит в эпоху научной специализации попросту наивным. Тектология, роль которой в том, чтобы пробиться к решению специальных вопросов лишь после обобщения этих вопросов, не «находит», не синтезирует опыт, подобно философии, а создает его на активном, организаторском пути. Она стоит над философией, поскольку в своей всеобщности связывает науку и практику. Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе («Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его») становится девизом и легитимирующей основой тектологии, а сам Маркс — «важным предшественником учения об организации».[16] Поскольку законы организации необходимы в первую очередь для практики, поскольку весь совокупный организаторский опыт человечества попадает в область тектологии, последняя характеризуется ее теоретиком как «революционная по своей природе». Развитие этой науки, собственной науки Богданова, «будет знаком того, что люди добились сознательного господства над внешней и общественной природой, а также создаст неограниченную возможность с научной планомерностью решать задачи практики и теории».[17]

Поскольку философия в своей синтетической работе предвосхищает научные обобщения (как, например, в идее неразрушимости вещества и силы) и поскольку некоторые философские построения носят пусть и неосознанный, но все же однозначно тектологический характер (подобно диалектике или эволюционной теории Спенсера), они войдут в новое учение об организации, утратив при этом свой специфически философский характер.

Такая всеобщая наука организационных методов, в которой сливаются в единое целое обобщение и суммирование данных, полученных всевозможными методами и специальными отраслями науки, и является для Богданова «наукой будущего», «мировой методологией».[18]

[16] *Bogdanov A. Allgemeine Organisationslehre.— B. 1.— S.85.*

[17] *Ibid.— S.86.*

[18] *См. в этой связи главу «Наука будущего» в работе «Философия живого опыта» (М., 1920). Саму работу Богданов написал еще в 1909—1910 гг. в период своей*

«Будучи областью, далекой от практики, — пишет Богданов в 1911 г., — философия доживает последние дни». Сам эмпириомонизм, как отмечает Богданов, уже не является полной, законченной философией, это — переходная форма, ибо он знает свой путь, знает, кому передать свое место. Эмпириомонизм — это не конечная цель, но предпоследняя ступень к новой систематизации. «Начало всеобщей новой науки будет положено в ближайшие годы, ее расцвет возникает из той гигантской, лихорадочной организационной работы, которая создаст новое общество и завершит мучительный пролог истории человечества. Это время не так далеко...».[19]

В своем «организационном учении» Богданов детально описал планомерное управление общественными процессами, а также установил принципы управления сознанием людей в целях овладения природой, техникой и экономикой. Этот материал здесь не анализируется, для этой цели необходимо более обширное исследование. Издания «Тектологии», вышедшие после 1917 г., дополнены Богдановым, анализирующим в новых текстах организацию советского общества. Его идеи плановой организации промышленного производства (сам Богданов некоторое время был членом Высшего совета народного хозяйства), а также теории равновесия (принятой в современной кибернетике как теория систем с обратной связью, «feed back»), сыграли исключительно важную, до сих пор не исследованную роль в планировании советской экономики двадцатых годов.

И, наконец, «всеобщая организационная наука» отозвалась еще в одной, совершенно неожиданной области. В романе «Красная звезда», написанном в 1906 г., т.е. еще во время первой русской революции, и опубликованном в 1908 г., Богданов, используя в каком-то смысле модель, по которой построен роман Чернышевского «Что делать?», сочетающий политический роман и утопию, рисует картину организации «нового мира». Герой романа, последователь Маркса (Ксарма, имя составлено из «Марс-Маркс») иллюстрирует теории Богданова. Уже в «Эмпириомонизме» он с принципиальной точки зрения положительно оценивал жанр утопии, как «безошибочную деятельность в жизненной борьбе». Политические утопии в форме романа (в 1912 г. Богданов написал еще один утопический роман «Инженер Мэнни») представлялись педагогу Богданову удобным политико-дидактическим средством для того, чтобы сделать доступными для рабочих

деятельности в партийной школе на Капри или непосредственно после ее окончания.

[19] *Там же.— С.255.*

представления о будущем коллективистского общества в форме понятных массе образов, а не только теорий, обращаясь при этом к человеческому воображению и фантазии. Описанный в «Красной звезде» коллективизм — в наглядных образах, на примерах, взятых из разных областей (воспитание, семья, питание, старость, болезнь и смерть, труд, наука, социализация) — функционирует благодаря централизованной статистической машине управления, регистрирующей и контролирующей трудовые процессы, производство и производительность предприятий, перемещения рабочей силы. Этот статистический механизм, действующий посредством электрической сигнализационной системы, поддерживает предусмотренный планом сбалансированный ход производства, сигнализируя о номенклатуре, количествах требующихся изделий, сроках их изготовления и потребном для этого числе рабочих. Незанятая рабочая сила, получающая, где бы она ни находилась, соответствующую информацию из статистического центра, добровольно и в массовом порядке стекается к тем производствам, откуда поступил запрос для производства недостающего количества необходимой продукции. В результате этого достигается необходимое для производственного процесса и функционирования общества статистическое равновесие, хотя каждый рабочий абсолютно свободен как при выборе места работы, так и в организации своего труда. «Пророчество нарождающейся пролетарской философии», — так назвал богдановскую утопию Луначарский в рецензии 1908 г. Идея Богданова о науке как коллективном опыте людей и как средстве организации жизни общества уже присутствует в этой утопии, предвосхищая его позднейшие теоретические построения. В романе воплощен коллективистский идеал и надежда на полное растворение личности в совершенном обществе будущего. Технический прогресс — единственный критерий истины.

Но наряду с этими «великими» или «главными идеологиями» коллективизма, наряду с эмпириокритицизмом и тектологией в многочисленных работах Богданова анализируются и другие идеологические формы коллективистского мышления, с помощью которых «можно планомерно организовать общество во всех областях приложения его творческих сил, его жизнь».[20] Это, например, общественные нормы, т.е. нормы товарищеской солидарности, заменяющие правовые и моральные нормы буржуазной культуры; или искусство как средство воспитания и организации; или создание единого языка человечества как «самой общей организационной

[20] *Там же.*

формы всемирного сотрудничества».[21] Как показывает анализ отдельных идеологических тенденций, коллективизм в любой области означает упразднение специализации или, как выразился Богданов, заимствуя выражение Эрнста Маха, «филистерства специальности».

Что касается унификации языка, то Богданову представлялось симптоматичным, что всякое новое изобретение порождает целый ряд терминов для обозначения деталей машин, их функций и необходимых операций, производимых с ними рабочими. С незначительными изменениями большинство этих терминов переходит во все языки; то же самое относится и к терминологии точных наук. Но и в других областях увеличение числа иностранных слов указывает на взаимопроникновение различных языков. Следовательно, язык может развиваться как изначальная организующая форма для совокупного трудового процесса на почве фактического, практического единства человеческой жизни, т.е. в условиях коллективизма может стать единым языком.[22]

Новое понятие коллективного («коллективистического») искусства не подразумевает у Богданова отказа от всего прежнего искусства, в этом его постоянно упрекали позднее противники Пролеткульта, особенно Ленин и Троцкий. Коллективизм новым искусством перестраивает старое, превращая его в средство воспитания, в организационный инструмент и используя в своих целях. К примеру, статуя античного бога имела для ее автора-художника и его современников религиозный смысл, она воплощала чувство авторитарности и наглядно изображала высшую организационную силу. В эпоху коллективистского сознания в ней видят и ощущают жизненный идеал того коллектива (общины, племени, сословия), который — руками своего художника — создал ее, выразив вековую общность усилий, настроений и веры этого коллектива. Точно так же коллективизм не имеет в виду (и на это постоянно указывал Богданов как до, так и после 1917 г.), что творческие таланты следует рекрутировать только из рядов пролетариата, даже если интеллигенту трудно ощутить глубокую связь с коллективной

[21] *Bogdanov A. Die Entwicklungsformen der Gesellschaft und die Wissenschaft.— S.225.*

[22] *Здесь, надо сказать, Богданов совсем не имел в виду искусственных попыток создания международных языков (типа эсперанто). Это, по его словам, типичные произведения наивных интеллектуалов и ученых, которые вообще не поняли смысла языка и которые, не обладая «общечеловеческим опытом», перед лицом борьбы народов и классов могли бы на основании своих абстрактных представлений решиться на создание искусственного языка.— Ibid.— S.225—226.*

жизнью.[23]

В основе же всех проектов Богданова относительно «пролетарской культуры» и коллективистской идеологии лежит его постулат о «культурной революции в пролетариате»: «Это его внутренняя социалистическая революция, которая, безусловно, должна предшествовать внешней социалистической революции».[24]

Философия пролетарской борьбы

Тезис Богданова о культурной революции в пролетариате, которая должна предшествовать политической и экономической революции, представляет собой принципиальную альтернативу ленинской ориентации большевизма на революцию. Ведь богдановская «теория революции» опирается на существенно иную перспективу развития революции: революционное преобразование мира в конечном счете осуществится на базе «организационной науки», выросшей из технических и экономических условий капитализма. «Пролетарская культура» означает, что пролетариат при проведении политической и экономической революции созрел для того, чтобы воплотить в жизнь будущий коллективистский общественный строй, заявивший о себе уже в эпоху капитализма, реализовать его на основе своего сознания «товарищеского сотрудничества» теперь, немедленно и самостоятельно, без содействия вождей-идеологов с их авторитарной психологией. Иными словами, тогда уже не потребуется никаких внешних, общественных средств принуждения, таких как государство, господство, право и мораль, нравы и обычаи, религия и метафизика, а главное — руководство пролетариата привилегированной элитарной группой.[25] Коллективизм (Богданов называет его то социализмом, то коммунизмом) начинается непосредственно после революции.

Будущее гармоническое общество Богданов собирался строить не на основе простого изменения отношения к собственности, а через глубокое преобразование производственной сферы, в которой исторически обусловленное разделение труда в сочетании со специализацией породило раскол системы представлений и мышления, а тем самым и причины возникновения неравенства людей. Для этого необходимо было более развитое пред-

[23] *Ibid.— S.212—214.*

[24] *Ibid.— S.224.*

[25] *Об осмыслении Богдановым будущего см. его «Краткий курс экономической науки» (9-е изд. М., 1906). Этот вопрос прежде всего отражен в заключительной главе «Социалистическое общество».*

ставление о структуре этого базиса, о производственных отношениях, об идеологии, сознании и т.п. В основе этих представлений, освещенных в предыдущих разделах нашего исследования, и лежала философия Богданова, которая опиралась на результаты, полученные точными науками, на эмпириомонизм.

Свою «конечную философскую цель», эмпириомонизм, Богданов определяет как «идеал цельного и строгого познания». Эмпириомонизм, говорится в третьей книге его главного философского труда, есть «попытка дать насколько возможно стройную картину мира для нашего времени и для того социального класса, делу которого я себя посвятил». По его словам, эту попытку он совершил абсолютно самостоятельно, не примыкая ни к одной, собственно, философской школе, хотя и использовал их идеи в качестве материала для своей собственной постройки. «Только социальная философия Маркса послужила для меня более чем материалом, — она была регулятором и методом моей работы одновременно».[26]

Отмежевываясь от «философских школ», Богданов тогда в 1906 г.[27] прежде всего возражал Плеханову, который, будучи первым русским марксистским теоретиком, заклеймил Богданова в предисловии к «Критике наших критиков» как «махиста» и «эмпириокритициста». Богданов писал: «Я куда меньше «махист», чем товарищ Плеханов — «гольбахианец»; и я надеюсь, что это не мешает нам обоим быть хорошими марксистами».[28] Вместе с тем он признал, что многому научился у Маха. В первую очередь он имел в виду представление о нейтральности элементов опыта по отношению к «физическому» и «психическому» и представление о зависимости этих характеристик исключительно от совокупности опыта. В чем же конкретно заключалось влияние эмпириокритицистов на Богданова и в чем Богданов расходился с эмпириокритицизмом, обосновывая свою собственную систему, эмпириомонизм (этот термин придуман им самим)?

На первых порах Богданов, как описывает в 1906 г. он сам становление его эмпириомонизма, был очень близок к «материализму естествоиспытателей» со своим строгим монизмом познания, своим научным объективизмом и своим категорическим отвержением «всякого фетишизма религиозных и метафизически-идеалистических мировоззрений». Но затем «социальный материализм» Маркса убедил его в том, что «старый» материализм естествоиспытателей недостаточен.[29] Однако даже тот факт, что он стал марксистом (в смысле марксистской социальной философии), не позволял ему «отказаться от своего старого стремления искать базис философии в естественных науках». Напротив, поскольку под философией понималась сумма опыта и науки, совершенствование системы знаний, именно марксистская философия, которой до тех пор вообще не существовало, не могла не быть естественнонаучной философией. «Ведь естественные науки — это идеология производительных сил общества, потому что их базисом служит технический опыт и технические науки; согласно же основной идее исторического материализма, производительные силы общества представляют базис его развития вообще».[30] Обосновать «философию, органически связанную с научной теорией марксизма», — вот задача, поставленная перед собой ученым как в «Эмпириомонизме», так и в многочисленных других сочинениях. Он хотел «познать познание» и на пути «социально-генетического исследования» — единственно возможном пути для этого[31] — осуществить синтез методов естественных наук, их философии (в том виде, в каком эта философия сложилась после Маркса и Энгельса) и социальной философии Маркса.

Влияние эмпириокритицизма на Богданова[32] началось тогда, когда разработанный Энгельсом диалектический материализм перестал соответствовать данным современных естественных наук. Последние открытия физиков породили сильнейшие сомнения в реальности материи: атом, считавшийся до сих пор предельной материальной составной частью мироздания, растворился, оказавшись энергетическим и силовым центром. В естественнонаучных дискуссиях той эпохи заговорили об «исчезновении материи». Эмпириокритицисты Эрнст Мах (по специальности — физик) и Рихард Авенариус вывели из этой дискуссии, что познающему человеку мир дан непосредственно в ощущении. Все понятия, с помощью которых объясняются между собой люди, суть не что иное, как обозначения таких непо-

[26] *Богданов А. Эмпириомонизм.— Кн. III.— С.XL.*
[27] *Там же.— С.66.*
[28] *Там же.— С.XLI.*
[29] *Там же.— С.III.*
[30] *Там же.— С.XXII—XXIII.*
[31] *Там же.— С.IV.*
[32] *Дальнейшее резюме влияния эмпириокритицизма на Богданова, а также богдановское отмежевание от этого направления, приведшее к созданию его собственной системы, эмпириомонизма, написано под влиянием лекций и докладов, которые в начале 60-х гг. прочитал в Свободном университете в Берлине Й.-Й. Либер и которых я не имею при написании данного исследования в опубликованном виде.*

средственных ощущений и комплексов ощущений; они являются мыслительными символами, образами и знаками, служащими для общения людей и облегчающими это общение, но не имеющими в действительности никакого соответствия. Это справедливо для таких понятий, как вещь, причина, тело, атом, материя; и даже то, что называют законами природы, является не чем иным, как аналогичными мыслительными символами, это — рабочие гипотезы. Выработка понятий и формулирование законов природы как в жизни, так и в науке представляют собой, согласно эмпириокритицистам, процесс, вызванный старанием человека бережливо обходиться со своим мозгом, стремлением к «экономии мышления». Принцип экономии мышления подразумевает отказ от таких классических материалистических концепций, как законы или причинно-следственная связь (каузальность), поскольку они суть метафизические предположения (гипотезы), не имеющие опытного обоснования, материя — чисто мыслительный символ для обозначения относительно стабильного комплекса элементов ощущения, а категории причины и следствия легко заменимы функциональной концепцией постоянства определенных комплексов. Таким образом, если все познание можно свести к ощущениям и их комплексам, то выработка понятий необходима для человека, но представляет собой его собственное познавательное достижение. Познание — это не что иное, как упорядочение ощущений средствами понятийного аппарата в целях максимального упрощения взаимопонимания и предельного снижения затрат духовной энергии. Итак, научное мышление базируется прежде всего на принципе упрощения коммуникации между людьми на уровне передачи содержания их ощущений. Однако философ, отдающий себе отчет в таком положении дел, должен указать на то, что всякая выработка понятия в сущности проходит мимо действительности, ибо пытается в череде ощущений закрепить при помощи понятия то, что фактически закрепить невозможно.

Одна из ключевых проблем, с которой столкнулись Мах и Авенариус, состояла в том, каким образом на основе субъективных ощущений делается вывод об объективном характере физического мира и его познания. Богданов, разделявший их учение об ощущении как первичном элементе познания, видит недостаточность эмпириокритицизма в том, что он не преодолевает дуализма, деления на психическое и физическое. Сам Богданов стремится — за пределами учения Маха и Авенариуса — к выработке такого монизма, который понимает физические и психические явления как различным образом организованные элементы одного и того же опыта: психические явления суть индивидуально организованный опыт индивида,

физические — социально организованный опыт.[33] Проблему сочетания субъективности происхождения понятий и объективной значимости всего познанного о мире Богданов решает допущением того, что объективность базируется на общественной привычке и договоренности. В соответствии с таким пониманием понятия типа время, пространство, каузальность, закономерность, величина, качество и т.п. не подразумевают некоторых свойств мира или вещей, лишены всякого объективного характера и являются просто организационными или упорядочивающими формами опыта, при помощи которых человек только и может конструировать объективный мир. Однако эти формы упорядочения опыта обладают значимостью для всех людей потому, что они утвердились благодаря договоренности, достигнутой между людьми, и тем как бы обрели общественное признание. Таким образом, действительность в своей совокупности оказывается результатом организующего опыта, опирающегося на изначально данные ощущения и достигающего в конечном счете в общественной договоренности по поводу используемых упорядочивающих форм и понятий всеобщей значимости.

Отводя столь важную роль общественной договоренности в конструировании научно упорядоченного и познанного мира, Богданов не только полагал, что сохраняет верность марксизму как учению о социальной обусловленности сознания, но и считал, что подводит под него более совершенный — по сравнению с энгельсовским — философский фундамент. Это особенно хорошо видно в его концепции истины: истинность мышления вытекает для него только из укорененности мышления в структуре определенного общества. Для Богданова важно, что истина не является объективной, надысторической величиной, как полагал Плеханов, — истинно то, что обладает общественной значимостью для той или иной определенной эпохи. В соответствии с этим совокупный процесс познания представляет собой по Богданову технику общественно целесообразной организации опыта и его первоэлементов, ощущений. Истинно это познание только в том случае, если оно способствует выработке миропонимания определенных групп, обеспечивающего их существование. Истина — это «машина, посредством которой режут, кроят и сшивают действительность»...[34] Ведь цель познания, по Богданову, не постижение реальности, но соответствующая организация нашего опыта из его первоэлементов.

---

[33] *Богданов А. Эмпириомонизм.— Кн.I.— 3-е изд.— М., 1908.— С.35—41.*

[34] *Цит. по: Wetter G.A. Der dialektische Materialismus.— Wien, 1958.— S.109 (без ссылки на источник).*

Подобно тому, как мышление состоит в организации элементов опыта, всякая человеческая деятельность также является организующей, и смысл ее — в установлении состояний равновесия между самыми различными противоположнонаправленными силами. Однако всякий раз достигнутое равновесие может быть нарушено силами, которые не участвовали в установлении равновесия. Следовательно, борьба за равновесие не только становится высшим принципом организующей деятельности людей, но и законом развития мира и истории; в этом смысле и диалектика, в понимании Богданова, есть борьба за устранение помех для достижения равновесия, возникающих из противодействия разнонаправленных сил.

* * *

Отправляясь от такого, нового философского фундамента марксизма, призванного преодолеть механистический детерминизм, к которому марксизм был сведен Энгельсом и Плехановым, Богданов пришел к описанной выше концепции общества и революции. Свою собственную философию, трансформировавшуюся во «всеобщее организационное учение» и обладающую способностью планомерно организовывать состояния равновесия в будущем обществе, он в связи с этим объявил изменяющей и преображающей мир революционной теорией. Как планомерная организация или преобразование мира, она, с одной стороны, служила необходимым ограждением против плехановского детерминизма и исторического фатализма, а с другой,— ее организационная задача призывала к активизации человеческого воображения в направлении к общей цели и выделяла место для участия воли в строительстве будущего общества. Богданова от его «ортодоксальных» критиков отличал тот существенный момент, что он придавал большое значение организационному опыту для хода исторического развития и общественного процесса, в результате чего сознанию отводилась исключительно важная (но не первичная) роль.[35] Деление об-

[35] Критики Богданова часто указывают на его суждение, отождествляющее общественное бытие и общественное сознание (см.: Богданов А. Из психологии общества.— СПб., 1904.— С.51). Однако оброненное им предложение не должно вырываться из общего контекста. Богданов выступает здесь против наивного дуализма Плеханова и его учеников, которые абсолютизировали и фетишизировали знаменитый тезис из «Критики политической экономии» о том, что общественное бытие определяет общественное сознание. Вследствие этого они рассматривали бытие как нечто существующее вне сознания. Богданов, критикуя их, считает, что сам он верно понял Маркса, отмечая, что экономические факторы неразрывно связаны с сознанием; эти факторы являются не физическими отношениями частиц (тел), но производственными отношениями людей между собой. Сама работа поэтому является сознательной деятельностью.

щества, уверенно возражал он своим оппонентам, следует понимать не только схематично (по признаку обладания средствами производства), но более тонко — в том числе и по признаку обладания организационным опытом.[36] И здесь он — также в отличие от «ортодоксального» марксизма — подчеркивал важность социальной функции идеологии. Однако это не позволяет считать, что для Богданова не стоял вопрос о захвате власти и передаче средств производства в руки рабочего класса.[37] Революция, обобществление (социализация) собственности и для него были необходимой предпосылкой создания коллективистского коммунистического общества. Однако Богданов полагал, что революция вообще не изменит участи рабочих (а если изменит, то в ничтожной степени), если они окажутся неспособными взять свою судьбу в свои руки и отдадут себя на произвол чуждых им «авторитетов». В этом смысле Богданов не привязывал своей теории революции исключительно к классовой борьбе как единственному и главному содержанию пролетарской сознательности, — в «пролетарской культуре» (в описанном выше значении) он видел серьезную «революционную силу».

Активистская, волюнтаристская черта философии Богданова, понимаемой им как разрыв с детерминистским метафизическим материализмом «ортодоксальных» марксистов, непосредственно связана с сущностью большевизма, которую Богданов определял в своих политических программных сочинениях так: организация, сознание пролетариата и воля к революции.

[36] См. в этой связи критический анализ К.Каутским немецкого перевода книги Богданова («Entwicklungsformen der Gesellschaft und die Wissenschaft»). По Каутскому, Богданов смешал здесь экономику с техникой, а способ производства, для которого «форма собственности на средства производства является в столь высокой степени решающей», смешал со способом труда (трудовой деятельности), который при определенных технических условиях всегда является похожим и, как видно, может формировать собственность на средства производства (см.Kautsky K. Eine materialistische Geschichte des menschlichen Denkens Die Gesellschaft.— B.1.— 1925.— S.571). В той же самой рецензии (S.578) Каутский полагает, что «упрощенчество, которое сделало из Маркса гротескную фигуру», сделало из Ленина и Богданова величины, которые почти нельзя спутать.

[37] Wetter G.A. Op.cit.— S.112—113.

Характерно, что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» не вдавался (или не мог вдаваться) в политически-революционный проект Богданова и обходил вниманием его понимание большевизма. Но тогда встает ряд вопросов. Разве его (Ленина) собственная политическая теория не базировалась на организационном, сознательном и волюнтаристском понимании большевизма? И разве его (Ленина) собственная политическая теория в ряде моментов не стояла ближе к богдановскому активизму и волюнтаризму, чем детерминизм Плеханова? Здесь Ленин сознательно избегает каких-либо политических дебатов. Он возражает Богданову, беря на вооружение аргументы «ортодоксии», указывая, в частности, на детерминистский материализм Энгельса, перенимая в данном случае целиком и полностью философские аргументы Плеханова, а также плехановскую догматическую критику Богданова времен первых литературных опытов последнего. При этом Ленин отбрасывает плехановский упрек по отношению к Богданову, что, дескать, ревизионистский богдановизм и является в собственном смысле слова философией большевиков, и что последние черпают свой бланкизм из махистской ереси, и лишь один Плеханов и, следовательно, одни лишь меньшевики остались на позициях ортодоксального марксизма. К тому же специфическая политическая ситуация внутри самой партии, взятой как нечто целое, видимо, не позволила Ленину уравнять свою борьбу против «левых ликвидаторов» из рядов собственных сторонников с борьбой Плеханова против меньшевистских «правых ликвидаторов». «Материализм и эмпириокритицизм» вообще может быть понят лишь в контексте подобного отождествления богдановской философии и большевизма со стороны меньшевиков; в частности, их критиками, наряду с Плехановым, были прежде всего, А.М.Деборин и Л.И.Аксельрод («Ортодокс»). Однако нельзя упускать из виду тот парадоксальный факт, что влияние эмпириокритицизма пустило свои корни и среди меньшевиков. Сам Богданов видел в «Материализме и эмпириокритицизме» попытку Ленина профилировать себя в философском аспекте по отношению к «истиной ортодоксальности»[38] в качестве «верного ученика Плеханова».[39] Практиковавшееся Лениным обращение к диалектике в трактовке религии и метафизики,[40] по Богданову, есть не что иное, как продукт авторитарной, статической, а потому «религиозной» системы мышления «отечественной

[38] *Богданов А. Вера и наука.— М., 1910.— С.199.*
[39] *Там же.— С.197.*
[40] *Там же.— С.162.*

материалистической школы», т.е. «специфического русского марксизма»; до «Материализма и эмпириокритицизма» эта школа, по его словам, представлялась почти исключительно Плехановым, а сама критика Богдановым стагнации марксизма еще в 1908 г. в опубликованной работе «Приключение одной философской школы» направлена исключительно против Плеханова. Теперь, отмечал Богданов, на сторону последнего в более или менее равной весовой категории перешел Ленин, а потому он, Богданов, отныне больше не понимает, «к какой же именно фракции русского марксизма тот принадлежит».[41]

Здесь не рассматривалось, насколько философские определения терминов «материя» и «диалектика», а также философская трактовка понятия степени решенности проблемы относительно истины в процессе познания (партийности мышления) стали составной частью данной работы, позднее переросшей в философию Ленина и ленинизм. Что касается конфликта Ленина с Богдановым, то в заключение необходимо сказать о том, что хотя Ленин и написал «Материализм и эмпириокритицизм» прежде всего против Богданова, однако он не вступает с ним там в какую-либо глубокую полемику, например, на манер воинствующего материализма Плеханова, где также могла бы быть затронута богдановская теория пролетарской революции. Говоря иными словами, анализ «Материализма и эмпириокритицизма» дает чрезвычайно мало, чтобы не сказать — ничего, в плане осмысления фактических, политико-революционных и тактических различий между Богдановым и Лениным; гораздо больше для такого анализа проблемы дает разработка Лениным диалектического материализма перед лицом изменившейся со времен Энгельса ситуации в естественных науках. Естественно, что философские мысли, представленные в «Материализме и эмпириокритицизме», изначально вырастают не из определенной философской проблемы, а порождены политическими и революционными соображениями. Для Ленина на пути формирования собственной философии — ленинизма — полемика с Богдановым явилась всего лишь этапом, предшествовавшим другим схваткам с иными политическими и революционными группами, например, с народниками, «легальными марксистами» и экономистами.

Ленинская полемика с Богдановым в период после революции 1917 г. может быть понята лишь с учетом описанного выше исторического фона. Как роль Богданова в Пролеткульте, так и отрицание Лениным Пролет-

[41] *Там же.— С.194.*

культа в качестве независимой массовой организации проистекает из полемики, развернувшейся между Богдановым и Лениным внутри большевистской фракции еще в годы эмиграции. Вследствие оценок ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм», уже с 30-х годов в СССР стал игнорироваться решающий вклад Богданова в обсуждение проблем научного социализма в 20-е годы. При этом, естественно, из исторической памяти был вычеркнут тот факт, что различные идеи Богданова, а также идеи, отстаивавшиеся «левыми большевиками», вошли в той или иной форме в сталинизм и воздействовали на его дальнейшее формирование, причем истинного автора самих этих идей не имели права называть. Исследование проблем этих взаимосвязей еще предстоит осуществить.

P.S. В настоящей статье я в своем анализе в основном опиралась непосредственно на работы Богданова и не прибегала поэтому к цитированию вышедшей в последнее время литературы по проблеме. Из наиболее крупных работ о Богданове, вышедших в последнее время на Западе, необходимо упомянуть исследования таких авторов, как Джон Бигарт, Габриэле Гожка, Зеновия Сохор, Даниэла Стейла, Аврахам Яссур. В России Богданова изучали прежде всего такие авторы, как А.А.Белых, Г.Д.Гловели, П.А.Плютто. Изданным в 1995 г. в Москве Г.А. Бордюговым трехтомником новых документов о Богданове «Неизвестный Богданов» («Ассоциация исследователей российского общества XX века») в момент написания статьи я еще не располагала.

Подготовка публикации Ирины Дьяконовой